

опустошитель

extremum

#31

УДК 82-4

ББК 87

P47

P47 Введение в философию: пластичность повседневности /
Реше Жюли. — М. : Опустошитель, 2017. — 232 с. —
(Серия «*Extremum*» (#31). — ISBN 978-5-211-02686-5.

Книга Жюли Реше, доктора философии (PhD) и профессора философии Глобального центра передовых исследований (Нью-Йорк, США), это самоубийство в философское мышление. Так же, как историю не творят специалисты по истории, философами не являются обладатели дипломов по философии. Философия не живет в аудиториях философских факультетов. Философия — это практика особого отношения к повседневности: именно во время привычных разговоров о работе, учебе, семье, отношениях и прочем появляется возможность убить в себе обывателя и стать философом. Чтобы освоить это умение, нужно лишь слегка сойти с ума и усомниться в очевидном. Этому учит каждая из заметок книги.

ISBN 978-5-211-02686-5

Жюли Реше, 2016
Опустошитель, 2017

Жюли Реше

**Введение в философию:
пластичность повседневности**

**Introduction to Philosophy:
The Plasticity of Everyday Life**

Julie Reshe

2014 :: 2016

**Опустошитель
2017**

Редактор Вера Крачек
Издательство Опустошитель, www.pustoshit.com

Подписано в печать **23.01.2017**
Формат 70x100/32. Гарнитура PT Serif.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 9,4 усл. печ. л. Тираж 500 экз. **Заказ № 3795**

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Оглавление

<i>Чтобы стать философом...</i>	8
• Грешите и воздастся вам	10
• О смелости	12
• Не терять невинность	13
• О невинности и повседневном формотворчестве	15
• Умереть, заигравшись	17
• Мыслитель и обыватель	19
• Об уродливом и эволюции	21
• О вазе и мышлении	23
• Пустота как условие модификации	24
• О репрессивности глупости	25
• О языке философии и языке повседневности	27
• О правилах	29
• Бог — это очень удобно	31
• О боге и науке	33
• О легкости и счастье	35
• О нелепых обычаях	36

• Об обиде	38
• О лжи и эволюции	40
• О шубе и эмансипации	46
• О концептуальных персонажах	48
• Об адекватном отношении к детству	50
• Об экспериментах и привычном	52
• О недовольстве и самодостаточности	55
• О пошлости и всеохватывающей красоте	56
• Об эмоциональности и восприятии времени	58
• О бессмысленности	62
• Учиться — значит страдать	64
• О самоубийстве и саморождении	70
• О зонтике	72
• Жизнь уродам!	75
• О традициях	77
• О коллективном и индивидуальном мышлении	81
• О жизни как смерти	83
• Наука как утонченное извращение	87
• Об эмоциях и легкости	89
• О физической и эмоциональной гигиене	92
• О хакерах и философии	95
• О женщине	97
• О ребенке и сексе	99
• О депрессии и управляемости	103
• Об агрессии	106
• О главном вопросе философии	109
• О шепоте	111
• Не быть собой	114
• Родом из оргии	118

• Если вы не крокодил	121
• О радикальной силе доверия	125
• Бадью тебя уничтожит	129
• Lamella без кота, или психоаналитическая теория сексуальности	131
• Эволюция — игра на свалке	142
• Роль человека в эволюции языка	149
• Что общего у фашистов и матери Терезы?	156
• О пользе истории для жизни человека	159
• О неумении летать	161
• Повседневность как минимизация зла	163
• А что это вы улыбаетесь?	168
• Все о том же	170
• Любовь как способ познания	172
• О котиках и собачках	176
• Не выпьем, родная	179
• О ностальгии по детству	181
• О любви платонической и настоящей	183
• О невоздержанной любвеобильности матери Терезы	186
• Интенсивный тренинг “Как быть хорошей женой”	189
• Матери-убийцы	193
• Идите вешайтесь	195
• Нужно ли избавляться от травм?	199
• О позитивной психологии и опустошении	202
• Близость как травма	205
• О лузерах	211
• Крокодил с приветом	224
• О бездуховных романтиках	230

Чтобы стать философом, не обязательно изучать заумные тексты в душных аудиториях философских факультетов. Так же как тот, кто изучает историю, не обязательно ее творит, выпускники философских факультетов — еще не являются философами.

Фуко утверждал, что философия — это сомнение в очевидном. Повседневность представляет из себя самый подходящий материал для философствования, ведь она состоит из очевидностей. Каждый день мы используем слова, которые не ставим под сомнение: мы говорим о любви, женственности, смерти, семье, учебе, детях, считая, что значения этих слов определены и неизменны, не задумываясь, что каждое из этих слов является вопросом, исчерпывающий ответ на который невозможен. Повседневность — с ее словами и событиями — выдает себя за неизменную и понятную. Философская деятельность заключается в том, чтобы разоблачить не только изменчивость повседневности, но и то, что её можно менять, — иными словами, обнаружить её пластичность.

Эта книга — введение в философию, как ее понимал Фуко. Она состоит из заметок, воспроизводящих процесс философского мышления, ставящего под вопрос разнообразные аспекты повседневности. Книга может быть использована в качестве практического руководства, каждая из заметок — это упражнение на развитие философского мышления, освоив которое, читатель приобретет способность не доверять очевидному.

Философ — не мудрец, он не знает ответов на все вопросы. Проповедники и обладатели мудрости — это те, кто с умным видом провозглашают банальные очевидности. Скорее следует согласиться с Делезом, считающим, что философия невозможна без глупости и безумия. Ведь глупцом и безумцем считается тот, кто не знает или сомневается в том, что понятно другим.

Устоять перед соблазном очевидности и стать безумцем, сомневающимся в само собой разумеющемся — вот настоящий философский подвиг, совершить который вас приглашает эта книга.

Грешите и воздастся вам

3 января 2014

В рамках здравого смысла грех воспринимается как нечто нежелательное, чего, по определению, следует избегать. В миропонимании древнего грека греховность имела несколько иное значение.

Грех понимался как неизбежное следствие усилий человека, направленных на завоевание пространства, которым ему не положено владеть. Считалось, что, совершая усилие познания и пренебрегая устоявшимся порядком, человек становится грешным, но тем самым он получает возможность преодолеть свою природу и приобщиться к миру героев и богов.

Что общего между современным пониманием греха и древнегреческим, так это вера в то, что за грехи обязательно следует расплачиваться страданием. Но древнего грека эта вера не могла удержать от подвига грехопадения.

Сегодня к высшему типу относится тот, кто безгрешен, в Древней же Греции высшим типом человека был тот, кто не мог не грешить.

О смелости

08 сентября 2014

Рассуждения, в которых некое явление (к примеру, Россия или капитализм) объявляются заслуживающими лишь порицания, не могут считаться философскими.

Философия — это всегда более сложный уровень размышлений, чем разделение на черное и белое. Считать что-то абсолютным злом — это эмоция, подавляющая мыслительный процесс. В этом смысле кажутся смешными обвинения философов в том, что они недостаточно смелы, так как не могут до конца определиться, чью сторону им занять. Наоборот, это те, чей уровень рассуждений не дотягивает до философского — недостаточно смелы, чтобы признать многосторонность любого явления.

Не терять невинность

14 декабря 2014

По Ницше, для того, чтобы придать вещам новое значение, нужно для начала вернуть им благородство, сделав их невинными. Вина — это результат несоответствия вещи вменяемому ей предназначению. Сделать вещь невинной — значит освободить ее от навязываемой ей истины, лишить того смысла, в отрыве от которого она не могла быть помыслена. Разоблачая бессмысленность вещи, мы делаем ее свободной, и таким образом открываем возможность генерации ее новых смыслов. Еще в большей степени, чем вещи, в обесмысливании нуждаются наши жизни.

Чувство вины возможно только в том случае, если у человека есть представление о том, каким он должен быть, и у него не получается соответствовать этому образу. Виновность парализует — вина себя в чем-то, человек ассоциирует себя с тем смыслом, ко-

торым он наделил себя в прошлом, и это лишает его возможности покинуть это прошлое.

Осознание своей невинности и бессмысленности позволяет придумать себя заново. Ведь лишённому подлинного смысла и какой-либо сущности человеку больше не нужно винить себя за несоответствие им и он может начать примерять на себя любые другие смыслы.

Люди настолько привыкают к своим маскам, что ассоциируют себя с ними без остатка и забывают о том, что их можно менять. Вспомнив об этом, человек открывает возможность удивительных метаморфоз, окончательно же придав это забвению — увязает в бесконечном самобичевании за несоответствие отведенной ему роли.

Только не нужно думать, что под маской кроются настоящие мы. Под маской — лишь невинность.

О невинности и повседневном формотворчестве

19 декабря 2014

У человека нет сущности, поэтому его нельзя разоблачить, узнав, какой же он на самом деле. То, какой он, решающим образом зависит от формы, в которую облечена его жизнь.

Это наиболее заметно у детей. Ребенок, которому нечем заняться, это совсем не тот ребенок, который привык к определенному режиму. Придав другую форму повседневной жизни ребенка, родители кардинально меняют и самого ребенка.

Не в меньшей степени от формы зависит и жизнь взрослых. Партнер, формой отношений с которым является традиционный брак, это совсем не тот партнер, с кем у вас гостевой брак. Когда меняется форма отношений, другими становятся и сами партнеры.

Если жизнь человека устроена таким образом, что его доход не позволяет ему приобрести даже са-

мые необходимые вещи, с большой вероятностью обнаружится его мелочная “сущность”. Если же у него достаточный уровень дохода, намного больше шансов, что “в действительности” он окажется щедрым и умеющим дружить.

Следуя этой логике, крайне нелепо делать то, чем мы без устали занимаемся — винить в чем-то себя и других, разочаровываться в себе и разоблачать окружающих. Разумнее моделировать новые формы своей повседневности.

Умереть, заигравшись

20 января 2015

Причиной того, что старшее поколение назойливо навязывает свой опыт, основательно противоречащий прогрессивному мировоззрению, является не глупость, а страх и истощение.

У людей в возрасте часто уже не остается сил, чтобы признать тщетность своего опыта, и смелости, необходимой для модификации мировоззрения. Из-за бессилия они обманывают себя тем, что их мир объективно дан, а не является производным их способа восприятия. В этом мире не подлежит сомнению, что, к примеру, женщина должна быть женственной, любовь — заканчиваться браком, а ребенка, в его же интересах, нужно держать в неведении относительно сферы сексуального.

Они слишком долго жили, веря в это, и со слишком большим трудом приобретали опыт существования в этом выдуманном ими мире. В результате мало кто из них способен признаться себе, что возможно и

другое мировоззрение, порождающее другое мироустройство, в котором нажитый ими опыт окажется бессмысленным.

Поучать других и ворчать про современные нравы могут только считающее свои убеждения единственно правильными — те, у кого хватает сил только на одну интерпретацию. Такие люди боятся покидать мир, который уже объяснен.

Чтобы преобразовать мировоззрение, нужны силы, о которых говорил Ницше — силы играть с тем, что кажется самым священным и неприкосновенным, например, с концептами бога и морали. Такими сильными нечасто бывают даже люди, только начинающие свою жизнь.

Жить, играя — значит иметь избыток сил, быть задорным и веселым, в то время как угрюмость и ворчание говорят о том, что сил почти не осталось. Но ведь игра всегда стоит свеч, даже если на нее расходуются последние силы.

Мыслитель и обыватель

21 января 2015

Удивительно, что мыслителей принято исследовать как единства, представляющие из себя некий упорядоченный набор взглядов. Максимум, на что разбивается это единство — на два жизненных периода. К примеру, говорят о раннем Канте и зрелом Канте.

Часто мыслителю даже могут поставить в упрек, что в какой-то из работ он противоречит самому себе. Но разве он не должен себе противоречить? Разве не этим мыслитель и отличается от целостного и не сомневающегося в себе обывателя?

Мыслитель — это не целостная система взглядов, а процесс их становления. Системой он становится лишь в восприятии обывателя, здравый смысл которого предписывает необходимость наличия завершенной идентичности у любой, даже у наиболее интенсивно развивающейся личности. Обывательское

мышление не умеет воспринимать по-другому, ведь оно привыкло искать идентичности.

Обыватель рассматривает мыслителя по аналогии с тем, как он привык рассматривать себя. Выбирая самый простой путь, он конституирует себя как завершенное собрание неких взглядов, идей, предпочтений и вкусов. Ему невдомек, что кто-то может сознательно всю жизнь удерживать себя в состоянии незавершенности.

Мыслитель — это тот, чье мышление совершенствуется. В своем становлении оно проходит этапы противоречий, когда существующие идеи подвергаются сомнению, в результате чего появляются новые. Мыслитель всегда спорит с собой. Рассматривать его как завершенную систему взглядов — значит упустить самое важное и ничему у него не научиться.

Уловить этот принцип — значит самому превратиться из обывателя в мыслителя.

Об уродливом и эволюции

22 января 2015

Гены не обладают монополией на эволюцию, в сфере культуры также происходит эволюция. Единицы культурной информации принято называть мемами. Примером мема может служить идея, модный тренд, манера или образ действия. Культурная эволюция, так же как и биологическая, осуществляется посредством механизма отбора.

Материалом для генетического отбора служат индивидуальные отклонения. Если бы гены всегда воспроизводились правильно, то есть если бы не было мутаций — ошибок репликации генов, эволюция организмов была бы невозможна, так как не происходило бы генерации материала для селективного отбора.

Этот же принцип работает в сфере культурной эволюции. Ошибки и отклонения в репликации общепринятых идей и норм поведения делают возможным процесс развития. То, что в рамках существую-

щего нормативного культурного кода ощущается как неприемлемое, уродливое, покушающееся на святость традиций и оскорбляющее чувства верующих, является материалом эволюции.

Все, что сейчас кажется безусловно красивым и вне сомнения правильным, при возникновении было лишь отклонением от нормы. Не любое уродливое становится прекрасным, но любое прекрасное прошло через стадию восприятия его как уродства. Поэтому иногда увидеть прекрасное в безобразном — значит приобщиться к эволюции.

О вазе и мышлении

24 января 2015

Любой акт генерации нового начинается с создания пустоты. Хайдеггер, а вслед за ним и Лакан объясняли этот принцип, прибегая к образу вазы. Гончар лепит вазу вокруг пустоты. До появления вазы — пустоты не было, потому что не существовало вместительности для нее. Ваза создает пустоту, открывая тем самым возможность ее наполнения. “Пустое и полное входят в мир благодаря вазе — сам по себе ничего подобного он не знает”¹.

Акт мышления также начинается с обнаружения пустоты. Это не значит, что для генерации нового необходимо отбросить все прежние наработки мыслительной деятельности. Они должны быть сохранены, но использованы при этом в качестве материала для последующей работы мысли. Для того, чтобы они могли восприниматься как материал, а не как готовый продукт, в них нужно суметь увидеть пустоту — наличие недостаточности.

¹ Лакан Ж. (1986) Семинар VII. Этика психоанализа.

Пустота как условие модификации

25 января 2015

Мышление предполагает модификацию наличного запаса знаний. Чтобы нечто стало модифицируемым, в нем должна быть обнаружена пустота. Для объяснения этого принципа можно воспользоваться примером передвижного пазла. Отсутствие одного элемента пазла обеспечивает возможность передвижения остальных, другими словами, инвариантность пазла возможна благодаря тому, что не все его пространство заполнено.

Наша безапелляционная уверенность даже в таких, казалось бы, безобидных истинах, как “дети — самое главное в жизни”, “нужно быть человеческим”, вытесняет пространство для модификации наших знаний, то есть лишает нас возможности мыслить.

Обнаружить пустоту в существующем знании — значит суметь поставить под сомнение его безусловность и завершенность. К примеру, допустить, что человечность является прикрытием для насилия, а безграничная любовь к детям — вредит самим детям.

О репрессивности глупости

27 января 2015

Развитый индивид находится в процессе становления — он познает, его мировоззрение трансформируется. Невозможно остановиться на определенном этапе, сохранив при этом развитость, ведь она является индикатором процесса становления, а не констатацией наличия у индивида неких знаний и навыков.

Остановка развития проявляется как укомплектованность мировоззрения. В нем не остается незаполненного пространства, необходимого для познания нового и преобразования существующего знания. Остановившийся больше ни в чем не сомневается. У него появляется ощущение, что его знаний достаточно, чтобы все правильно понимать. Это ощущение и служит ему оправданием остановки.

Индивид, который утратил способность к трансформации своего мировоззрения, начинает навязывать его остальным. Так как у него пропала способ-

ность критически относиться к своим убеждениям и не осталось сомнений в правильности своих взглядов, свою точку зрения он стал считать единственно верной.

Мировоззрение, к котором не осталось незаполненных лакун, перестало быть пластичным. Оно утратило способность трансформироваться под воздействием внешнего влияния. В социальной интеракции носитель такого мировоззрения может занимать исключительно агрессивно-активную роль, давя на других тяжестью своих убеждений.

Иначе говоря, прекратить процесс познания и становления — значит утратить способность учиться. Ведь для того, чтобы учиться, нужно уметь сомневаться в достаточности своих знаний и правильности своих взглядов, а также обладать способностью прислушиваться к другим точкам зрения. Тот, кто перестал быть учеником — становится учителем.

Остановка процесса развития — это не только личная проблема индивида. Остановившийся автоматически переходит в позицию навязывания своего мировоззрения другим.

Глупость крайне репрессивна.

О языке философии и языке повседневности

30 января 2015

Можно предположить, что между наукой и философией, то есть теми сферами, которые предполагают мышление, и обывательским пониманием — разница лишь в языке.

Научный язык и язык философии объясняют тот же мир, в котором мы существуем изо дня в день, и интерпретацией которого мы заняты в наших повседневных мыслях.

Отличие между этими языками заключается в том, что язык повседневности некритичен. Еще будучи детьми, мы усвоили этот язык и теперь им владеем, то есть больше не осваиваем.

Научный же и философский языки более сложные, они требуют непрерывного изучения. Каждое научное открытие и продвижение в философии может быть интерпретировано как совершенствование языка. Этот язык нельзя освоить раз и навсегда, быть

ученым или философом — значит принимать участие в становлении языка. В некотором смысле это означает не переставать быть ребенком — тем, кто еще только учит язык.

О правилах

03 февраля 2015

Те, кто считает, что обрести свободу — значит избавиться от правил, заблуждаются.

Этому предрассудку подвержены многие молодые родители, считающие, что отсутствие правил способствует самореализации ребенка. Это правда, но только в том случае, если предельной целью его самореализации считать самоуничтожение. За таким видом родительской заботы скрывается обыкновенная лень — между вариантами приложить усилия для развития ребенка или пустить все на самотек, ленивые родители выбирают последний.

Любое движение *направленно*. Правила указывают направление, обуславливая тем самым возможность движения. Для ребенка правила являются ориентирами, в условиях отсутствия которых он дезориентируется. Без правил активность ребенка ни на что не направлена и в результате становится деструктивной — наносящей вред самому ребенку. Детские ис-

терики — предельное проявление такой активности. Ребенок как бы замыкается на одном моменте времени и не может его покинуть.

Не только детские истерики могут быть интерпретированы таким образом, отказ следовать правилам является симптомом некоторых психических расстройств у взрослых. Самый яркий пример — депрессия. Из-за подавленности человек начинает пренебрегать даже элементарными правилами личной гигиены. Он не видит смысла в следовании каким бы то ни было правилам. Таким образом, он разрушает себя, потому что уничтожает то, что направляет ход его жизни. Он останавливается в настоящем моменте, в котором чувствует безнадежность, и она ему кажется неизбежно вечной.

Важно осознавать, что правила можно придумать и договариваться о них, что нет никаких существующих по умолчанию правил — божественных заповедей, моральных норм, правил приличия и прочей чепухи. Необходимо стремиться к свободе модификации правил, а не к свободе от правил. Последняя — смерть, ненаправленность, тоска и безысходность.

Бог — это очень удобно

06 февраля 2015

Те, кто верит в существование бога и высших сил, предполагают, что существует набор предписанных ими правил, которые верующие обязаны соблюдать. Это избавляет их от необходимости использовать свой собственный разум для изобретения правил. Если все уже придумано кем-то за них, то им и незачем об этом задумываться.

Ницше описывает интересный механизм: “Они нагнали себе основания, ради которых эти законы должны были существовать, просто чтобы не признаться себе, что привыкли к их господству и не желают больше ничего другого. И так это делается, и делалось всегда, в каждой господствующей морали и религии: основания и умыслы, лежащие за привычкой, привираются к ней всякий раз, когда иным людям приходит в голову оспаривать привычку”².

² Ницше, “Веселая наука”, 1:29.

То, к чему верующие успели привыкнуть, они обосновывают предзаданностью. Они убеждают себя, что устоявшийся порядок — не их ума дело, таким образом перекладывая ответственность за него на вымышленные вышестоящие инстанции.

Верующие изобретают бога, чтобы он служил гарантом и оправданием их собственного бессилия. Таков механизм обеспечения сохранности их привычек и отстранения от участия в преобразовании существующего порядка.

Прототипом бога в повседневной жизни является здравый смысл — нечто, что “все знают”. Эти абстрактные “все” также, как и бог, являются хранителями неоспоримых знаний и правил.

Бог и здравый смысл — это способы укрыться от необходимости сомневаться, думать и изобретать. Мировоззрение, предполагающее наличие бога и неизменного здравого смысла, прямо противоположно мировоззрению изобретателей. Ума не приложу, зачем кому-то нужен бог, если он мешает изобретать.

О боге и науке

10 февраля 2015

Удивительно, что иногда даже самые прогрессивные ученые могут стать религиозными и найти место для бога в своих теориях. Впрочем, такие случаи вовсе не опровергают тот факт, что религиозный дискурс является регрессом по отношению к научному.

Неверно считать, что на каком-то этапе становления наука сможет опровергнуть бога и истинность религиозных догм. Бог и религиозность — это деструктивные упрощения, опасность которых существует на любом этапе становления науки.

Стремление объяснить все до конца является характерной чертой религиозного сознания. Наука же — это процесс познания еще не познанного и объяснения необъясненного, при этом неисчерпаемость объяснений — условие возможности науки. Поэтому каких бы высот не достигла наука, всегда остается

нечто непознанное, но также возрастает и соблазн избавиться от него.

Если пойти на поводу у этого соблазна, то есть объяснить все до конца — пропадает непознанное, в результате чего коллапсирует и сама наука.

О легкости и счастье

16 февраля 2015

Мне кажется странным, что разоблачение бессмысленности жизни и невозможности конечных истин может служить поводом для грусти. Ведь смыслы и истины отягощают, в особенности старые смыслы и истины — с течением времени они становятся более грузными. Лишиться смысла — значит потерять почву под ногами, но это также означает и обрести легкость.

Многие привыкли искать счастье в утрате легкости, хотя в действительности несравнимо большее счастье можно найти в избавлении от тяжести. Нужно только научиться этому.

Это несложно, если понять, что почва нужна лишь для того, чтобы оттолкнуться от нее и упорхнуть.

О нелепых обычаях

20 февраля 2015

Многие из обычаев и правил, которым бездумно следуют, представляют из себя лишь воплощение коллективной паники. Люди изначально напуганы и растеряны, поэтому им нужны хоть какие-то инструкции, придерживаясь которых, они могли бы спастись от парализующего страха.

Поступая в соответствии с общепринятыми правилами и обычаями, они делают не то, что разумнее делать, а то, что делают другие. Таким образом обличая, что слишком растеряны, чтобы думать и критически анализировать. Они полагаются на предыдущие поколения или на абстрактных “всех”, которые, как им кажется, что-то продумали до них, не понимая, что во все времена люди были такими же растерянными и такими же неспособными на разумность.

Будучи не в силах преодолеть свою боязнь, люди готовы закрывать глаза даже на самую вопиющую нелепость обычаев. Это лишает их возможности пре-

образования обычаев, ведь преобразованию всегда предшествует критическая оценка.

Похороны мне всегда казались одним из наиболее нелепых обрядов. Смерть — это незаурядный опыт, который сложно вплести в череду понятного и само собой разумеющегося. Смерть пугает многих, дестабилизируя понятность: мир, который был узнаваем и понятен, в результате знакомства со смертью становится непонятным и неузнаваемым. Традиционные погребальные обряды — это попытки втянуть опыт смерти в понятность.

Смерть близкого человека настолько травматична, что часто даже мыслящие люди, критически относящиеся к общепринятым обрядам, в такой дезориентирующей ситуации приглашают священника и организуют отпевания.

В случае с похоронами слепое соблюдение обрядов в значительной степени заслуживает снисхождения — смерть близкого очень сложно пережить, в таких обстоятельствах не до скептического анализа общепринятых правил. Но вот со свадьбами что?

Об обиде

23 февраля 2015

Самая распространенная причина обид — нарушение близким человеком неких само собой разумеющихся правил: он отнесся к нам не так, как должен был в соответствии с неоговоренной нормой.

Другими словами, чувство обиды возникает вследствие рассогласования ожиданий о должном поведении обидчика с тем, как он повел себя в реальности. Часто эти ожидания — результат пассивно усвоенных стереотипов, а не договоренностей.

Идя на поводу у чувства обиды, обижающийся демонстрирует свою замкнутость в системе уже существующих правил и, соответственно, неспособность придумывать и договариваться о новых правилах.

“Он не открыл передо мной дверь, а ведь настоящий мужчина должен открывать дверь перед женщиной”, “Она хочет быть самостоятельной, но ведь настоящая женщина должна быть слабой”.

Внутри отношений, в которых возможна обида, мы обречены быть недо-мужчинами, недотягивающими до идеала женщинами и другими формами недосуществ. А ведь могли бы быть кем угодно, даже кем-то, кем до нас еще никто не придумал быть.

О лжи и эволюции

03 марта 2015

Говорить правду — значит говорить, ничего не выдумывая, то есть так, как есть. А вот чтобы соврать, нужно придумать, что сказать, то есть сформировать новую интерпретацию. Правда не опосредованна придумыванием. Поэтому к слову “правда” применим глагол “вещать” — правда уже существует, ее нельзя изобрести, ее можно только засвидетельствовать или объявить.

На этом принципе основаны некоторые методы детекции лжи. Мозг человека, говорящего правду, менее активен, чем мозг того, кто врет. Это связано прежде всего с уровнем нагрузки на память. Человек, говорящий правду, не испытывает необходимости анализировать большой объем информации, находящейся в памяти, тогда как человек, говорящий ложь, вынужден постоянно контролировать как содержание своих ложных высказываний, так и содержание действительного состояния вещей.

Стоит заметить, что правда всегда относительна, хотя и маскируется под безусловную объективность. То, что мы называем правдой, выражает скорее не реальное положение дел, а общепринятый способ интерпретации действительности. Проще говоря, как правда воспринимается тот способ интерпретации действительности, к которому человек привык.

Соответственно, придумать что-то новое — значит соврать, то есть отклониться от воспроизведения того, по отношению к чему выработалась привычка воспринимать его как правду. В этом смысле не только искусство, определяемое как бунт против реальности, но и вообще любое продвижение в сфере символического — основывается на лжи, ведь прогресс в символическом пространстве — это восстание против само собой разумеющегося и непосредственно данного.

Также можно утверждать, что правовое регулирование — высшая ступень эволюции символического — возникло в результате того, что люди научились врать и появилась необходимость регулировать поведение умного и умеющего врать человека.

Текущая стадия эволюции языка шимпанзе аналогична той, что давно прошли предки человека.. Шимпанзе издают специфический крик, когда находят новый источник еды. Он служит призывным сигналом для находящихся неподалеку голодных родственников. Исследователи описывали случай, когда, найдя связку бананов, шимпанзе зажимал рот, чтобы заглушить невольно издаваемый им крик, таким образом пытаясь сделать его нераспознаваемым для других³. Это событие вполне можно считать манифестацией эволюционного процесса.

Дело здесь не только в том, что обезьяна научилась врать другим шимпанзе, она также научилась врать самой себе. Утаив бананы, обезьяна как бы соврала собственной природе, ведь она смогла преодолеть свою непосредственную реакцию — схему действий, работающую в ней по умолчанию на данном этапе ее эволюции.

Аналогичным образом может быть интерпретирован и эксперимент с шимпанзе, в ходе которого тот должен был выбрать между двумя порциями еды

³ Goodall, Jane (1986) *The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior*: Cambridge, MA: Harvard University Press.

разных размеров⁴. В соответствии с условиями эксперимента выбранную шимпанзе порцию давали не ему, а другому шимпанзе. Делаящему же выбор шимпанзе доставалась оставшаяся порция.

Обезьяна так и не научилась прибегать к хитрости — она продолжала выбирать большую порцию, каждый раз печально наблюдая за тем, как она достается другому. Дети старше двух лет обычно без трудностей схватывают этот принцип — для того, чтобы им досталась большая порция, они выбирают меньшую. То есть, чтобы на втором этапе получить желаемое, на первом этапе они действуют не в своих интересах.

Обезьяна же была полностью сфокусирована на том, чего она хочет, что лишало ее возможности подойти к задаче более комплексно, выдержать нужную дистанцию, чтобы увидеть ситуацию на более абстрактном уровне.

Не исключено, что шимпанзе понимал сам принцип, в соответствии с которым выбранная им порция неизбежно доставалась другому, но каждый раз, будучи поставленным перед выбором, не мог справиться

⁴ Boysen, Sally, and G. Bemston (1995) Responses to quantity: perceptual versus cognitive mechanisms in chimpanzees (*Pan troglodytes*). *Journal of Experimental Psychology and Animal Behavior Processes* 21, pp. 82-86.

со своим естественным импульсом — выбрать большую.

Непосредственные инстинкты удерживали его от того, чтобы перейти в режим обучения. В процессе обучения ведь ничему другому не учатся, кроме как поступать и рассуждать по-новому, не так, как привычно, то есть преобразовывать и усложнять уже выработанные способы действия и мышления. Иными словами, обучаются прежде всего способности действовать контринтуитивно.

К счастью, у мелодраматической истории с шимпанзе хороший конец. Описанный здесь эксперимент был изменен следующим образом: шимпанзе научили ассоциировать арабские цифры с определенным размером порций, теперь в ходе эксперимента обезьяна должна была выбирать не порции еды, а соответствующие им цифры. В результате этого нововведения шимпанзе научился выбирать вначале цифру, означающую меньшую порцию еды, для того, чтобы в конечном итоге ему досталась большая. Эта замена непосредственного стимула (еды) на символический репрезентант (арабские цифры) позволила шимпанзе обойти свой непосредственный инстинкт и обмануть свою природу.

Символический мир позволяет снизить силу воздействия непосредственно данного мира инстинктов

и автоматически воспроизводимых схем поведения. Он освобождает от инстинктивной реакции на стимулы, таким образом обеспечивая возможность формирования более сложной поведенческой линии.

Мир символического — это пространство, позволяющее мысли извратиться во лжи.

О шубе и эмансипации

04 марта 2015

Многие люди поразительно похожи друг на друга. Их страницы в социальных сетях практически дублируют друг друга; кажется, что, проведя даже поверхностный их анализ, можно с точностью предсказать, какой будет стул у ребенка одного из них.

Удивительно, что при этом они часто стремятся быть отличными друг от друга. Они хотят отличаться лишь посредством превосходства, но боятся быть действительно другими.

Их желание конкурировать между собой, сопряженное с боязнью быть другими, делает невозможным радикальный вопрос — зачем вообще нужны шуба-ребенок-машина-квартира-отношения-айфон? Все эти привычные неосмысленные ценности — уютное убежище от возможности быть другими. Покинуть это убежище — значит изобличить условность привычных ценностей, то есть страшную, невыносимую для многих свободу, в которой возможны любые

еще не существующие ценности. Все, что остается в этом комфортном мире — шкала от “лучше такая шуба, чем вообще никакой” до “вот какая у меня шуба, не то что у вас”.

Отсутствие шубы как критерия здесь невозможно, оно лишает основы под ногами, а это, по какой-то странной причине, ассоциируется не с обретением свободы, а с ужасом, одиночеством, апокалипсисом и безысходностью.

О концептуальных персонажах

11 марта 2015

Ницше считал, что философия изобретает новые способы существования и открывает новые жизненные возможности. Делез и Гваттари продолжили эту мысль, утверждая, что философ — это собрание концептуальных персонажей: “Эти персонажи укрываются в лице и теле философов, порой придавая им — особенно их взгляду — странный вид, как будто их глазами смотрит кто-то другой”⁵.

Изобретение концептуальных персонажей — это своеобразная философская методология: человек занимается философией посредством изобретения нового себя. Философское мышление открывает пространство, в котором возможно преобразование. Человек же по умолчанию существует в застывшем пространстве привычного, которое закрыто для перемен.

⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: «Алетейя», 1998. с. 97.

У него нет непосредственного доступа к пространству преобразования: так же как для игры в шахматы нужны шахматные фигуры, для занятий философией нужны вымышленные персонажи.

Одновременно пространство философии служит убежищем от давления привычного и непродуманного. Собственно, именно благодаря тому, что в этом пространстве можно укрыться от привычных шаблонов, в нем и возможны мышление и преобразование.

Вы утверждаете, что женщина должна соблазнять мужчин и жить ради детей? Но ведь я же не женщина, а милое человекоядное чудовище.

Об адекватном отношении к детству

13 марта 2015

Часто людям, у которых нет детей, приписывают непонимание того, что такое ребенок, и в целом незрелое отношение к жизни. Я придерживаюсь противоположной точки зрения: по-моему, взгляд бездетного человека на детство и на жизнь в целом — менее атрофирован, чем взгляд того, кто обзавелся детьми.

Представления о детстве тех, кто не обзавелся ребенком — не опосредованно. Они еще помнят себя детьми и не превратились в законченных взрослых. Взгляд человека, у которого есть ребенок, опосредован позицией, которую он вынужден занимать по отношению к нему. Его ребенок может быть ребенком только за счет взрослости родителя, ведь он — тот, кто должен ограничивать ребенка от его детства: накормить его не конфетами, научить его одеваться, не дать ему попасть под машину. Родитель не может приобщиться к детству своего ребенка, его функция — избавить ребенка от детства.

Взгляд на детство тех, у кого нет детей, менее ангажирован. У них нет опыта общения с детьми в роли взрослых, они еще не знают, что полагается с ними делать. Родитель же не может себе позволить этого не знать, ведь на нем лежит ответственность за ребенка. Но здесь дело в том, что не знать, что делать с ребенком — наиболее адекватная позиция по отношению к детству. Не знайте и дальше, если еще не поздно.

Об экспериментах и привычном

16 марта 2015

«Мыслить — значит экспериментировать», — утверждает Делёз. Мышление противостоит привычному — той сфере, где истины уже известны, а для нового нет места.

Эксперимент — это не только инструмент продвижения науки, экспериментом также может быть назван любой акт становления. Развитие предполагает погружение в неизвестность, открытие новых неизведанных территорий. Эксперимент и представляет из себя попытку исследования этих территорий.

Неизменно следуя привычке, боясь оступиться от однажды усвоенного способа действий — человек повторяет все время одно и то же, возобновляя один и тот же образ действий. Как правило, он поступает так из страха перед новым, причем этот страх удерживает его от преобразования привычки даже в том случае, если он осознает, что корректировка текущего способа действий ему жизненно необходима.

Из-за этого страха человек, который променял возможность мыслить на веру, не перестанет быть верующим, даже если самый значительный авторитет в сфере религии отречется от нее, впечатлившись красотой последних научных открытий — он лишь будет обвинен верующим в отступничестве. Фанатичные феминистки (к счастью, не все феминистки фанатичны) не перестанут быть феминистками, даже когда будут истреблены все мужчины — идя на поводу у привычки, они станут истреблять друг друга за подозрения в мизогинии.

Для того, чтобы начать воплощать в жизнь новый способ поведения или хотя бы начать его поиск, нужен эксперимент — риск отступления от известности. Безусловно, эксперимент является затратным и небезопасным предприятием, так как сопряжен с риском, что новый способ окажется менее плодотворным, либо вообще не плодотворным. Однако без эксперимента достичь прогресса невозможно.

Повторяя до бесконечности одно и то же, человек как будто вовсе и не существует. Он представляет из себя точную копию других и копию самого себя в прошлом. Безжизненное ведь и отличается от живого своей неподвижностью, оно в каждый момент времени тождественно самому себе.

Мышление, которое Делез ассоциирует с экспериментом, вырывает человека из круга бесплодного повторения, тем самым делая его живым. Возможно, жить — и значит экспериментировать.

О недовольстве и самодостаточности

20 марта 2015

Общаться с человеком, который все время чем-то недоволен — это всегда одолжение, ведь выражение недовольства является имплицитной просьбой о помощи или поддержке.

Умение при любых обстоятельствах сохранять веселость кажется мне чертой аристократа. Его веселость не зависит от внешних обстоятельств, а скорее является результатом выбора. Только с таким человеком общение не представляет собой одолжения.

Еще у аристократа есть чувство юмора — именно оно позволяет ему посмотреть на ситуацию под нужным углом и не стать жертвой обстоятельств. Так что самый дельный совет, который аристократ может дать безутешно страдающему — как можно скорее покончить с собой.

О пошлости и всеохватывающей красоте

23 марта 2015

Человек может разочароваться в мире только в том случае, если у него сформированы представления, каким должен быть мир. Именно эти представления и мешают ему разглядеть его красоту.

Он страдает из-за того, что мир несправедлив, изобличает его изъяны и плачется о том, что в нем отсутствует смысл. Представления об идеальном мире, в результате несоответствия которым возникает такая форма страдания, отражает пассивное заимствование человеком устойчивых мировоззренческих клише. Часто человек постигает мир, используя наиболее примитивные конструкции — на которые только и способно его скудное воображение, руководимое безвкусными идеями о добре, справедливости и всеобщей любви.

Такой человек не способен заметить всеохватывающую красоту мира не потому, что слишком тре-

бователен и мир не соответствует его запросам, он сможет осознать ее лишь при условии, что освободит свое восприятие от оков примитивных клише.

Следует только помнить, что в этом случае ему нужно быть очень сильным — чтобы не захлебнуться от избытка красоты.

Об эмоциональности и восприятии времени

27 марта 2015

Существует множество корреляций между способностью владеть своим временем и умением не идти на поводу у своих непосредственных эмоций. Например, наиболее распространенной причиной отклонения от следования намеченному плану является изменение эмоционального фона: у нас нет настроения делать то, что нужно, или, наоборот, в поиске позитивных эмоций мы переключаемся на другие виды деятельности.

Маленький ребенок в наименьшей степени способен действовать по заранее намеченному плану. Его внимание рассеяно — занимаясь чем-то одним, он моментально переключается на другое занятие и забывает о начатом ранее. Он не может составить план даже следующих пятнадцати минут и в достаточной степени сконцентрироваться, чтобы завершить задание, состоящее из нескольких этапов. По

мере того как ребенок осваивает концепт времени, он приобретает способность планировать следующий час, день, месяц, год.

Не только индивидуальное становление, но и эволюция человечества в целом сопряжена с развитием восприятия времени. Раннее мифологическое сознание представляло мир безвременным: на этом этапе еще не вполне было развито осознание того, что нечто происходящее в настоящем будет иметь последствия в будущем и имело причины в прошлом. Даже на современном уровне становления сознания человека оно тяготеет к этой более примитивной форме восприятия времени. Религия является одним из способов бегства в эту более привычную для сознания форму. В соответствии с религиозными учениями, существует сакральное время, в котором существуют прошлое, настоящее и будущее. Время человека провозглашается несовершенным подобием сакрального времени.

Помимо недоразвитой способности управлять своим временем детям также сложнее, чем взрослым, справляться со своими эмоциями. Эмоциональный мозг считается исторически более ранним формиро-

ванием, чем неокортекс — думающий мозг. Поэтому эмоциональные реакции более естественны и привычны для человека, чем обдуманнные реакции, требующие критического отношения к своим непосредственным эмоциям. Развитие мозга ребенка в основных чертах повторяет этапы эволюционного становления человеческого мозга.

Его лимбическая система развивается значительно раньше, чем лобные доли (часть неокортекса, отвечающая, среди прочего, за обдуманное реагирование). Этим и объясняется тот факт, что ребенок в гораздо большей степени, чем взрослый, руководствуется в своем поведении эмоциями. Это не значит, что у всех взрослых хорошо развита способность управлять своим эмоциональным состоянием, человеку все еще с большим трудом дается критическое отношение к своим непосредственным эмоциям.

Эмоциональному разуму еще не известна идея времени. На практическом уровне из этого следует, что если мы контролируем эмоциями, мы не контролируем свое время.

Когда мы охвачены эмоциями, к примеру, разгневаны, время в нашем сознании сосредотачивается в настоящем — мы как бы увязаем в текущем моменте и в охватившей нас эмоции. Тот, кто нас разгневал, даже если пять минут назад мы питали к нему

самые теплые чувства, кажется теперь сущностно плохим (то есть плохим сейчас, в прошлом и в будущем). В такой ситуации мы не задумываемся о последствиях, потому что будущее для нас перестает существовать. Задуматься о будущем в момент захваченности эмоцией и сравнить свое текущее восприятие с восприятием в прошлом, то есть задействовать более сложный концепт времени — значит выйти из-под контроля непосредственного эмоционального состояния.

Маленькие дети и взрослые с плохо развитой способностью критически относиться к своим эмоциям существуют в безвременьи. Для них каждый момент — навсегда. Они не способны осознать временность и относительность своего настроения — такие люди не понимают, что все вокруг ужасно потому, что они, к примеру, устали.

Осознавать временность и условность своего состояния — вот высший пилотаж. К примеру, определять, когда не следует демонстрировать свои эмоции близкому человеку, чтобы не травмировать его своим состоянием. Не верить себе настоящему, помня о себе в прошлом и давая шанс себе будущему.

О бессмысленности

01 апреля 2015

Даже современная философия и литература в значительной степени пронизаны тоской по всеобщим истинам и неподдельной красоте. И это спустя полтора столетия после того, как Ницше, заключив, что не существует ничего, кроме лжи, научился именно в этом искать повод для радости и веселья.

Уже экзистенциалисты исказили идею Ницше. Они тоже полагали, что смысла не существует, но для них это служило поводом для уныния. В сознании экзистенциалистов каким-то странным образом бессмысленность намертво соединилась с чувством грусти и обреченности. Возможно, это сцепление бессмысленности с грустью свидетельствует о том, что сознание экзистенциалистов и других носителей этого сцепления все еще религиозно.

Они тоскуют по старому миру, в котором существовали окончательные истины и заботливый бог, а без бога им страшно. Они еще не приобрели то, что

Ницше назвал зрелостью свободного разума, ведь зрелый разум черпает силы и задор в отсутствии смысла. Его свобода — это свобода от смысла, а бессмысленность — его вдохновение. Ему нужен свежий воздух; прекрасное и истинное, которое принесло бы радость тоскующим, кажется ему затхлым — он испытывает у нему отвращение и сознательно бежит от него.

Учиться — значит страдать

03 апреля 2015

По сути, обучение — не что иное, как череда поражений, неудач и ошибок. Если человек не терпит поражений — значит, он никуда не продвигается, представляя из себя завершённое собрание мнений и моделей поведения. Зачастую меняться человеку мешает боязнь неудач и потрясений. Он предпочитает не страдать, а потому и не меняется.

Исследование, возглавляемое Джейсоном Мозером, доказало, что ошибки играют ключевую роль в процессе обучения и развития^{6 7}.

⁶ Jason S. Moser, Hans S. Schroder, Carrie Heeter, Tim P. Moran, and Yu-Hao Lee. (2011) Mind your errors: Evidence for a neural mechanism linking growth mindset to adaptive post-error adjustments. Psychological Science.

Существует две различные неврологические реакции на ошибки. Первую реакцию принято называть “негативность, связанная с ошибкой” (error-related negativity, или ERN). Она появляется приблизительно через 50 миллисекунд после промаха как неизбежная реакция на любую ошибку.

Вторая реакция, “позитивность ошибки” (error positivity, или Pe), возникает в промежутке между 100-500 миллисекундами после совершения ошибки и связана с ее осознанием. Она возникает, когда испытуемые обращают внимание на ошибки.

Согласно исследованию Мозера, испытуемые учатся более эффективно, когда их мозг демонстрирует два свойства: 1) более высокий сигнал ERN, что указывает на большую первоначальную реакцию на ошибку; 2) более последовательный сигнал Pe, что говорит о том, что испытуемые концентрируются на ошибках.

В своем исследовании Мозер намеревался проверить теорию, впервые предложенную Кэрол Двек, которая проводит различие между обучающимися с двумя типами мышления: фиксированным мышлением (fixed mindset) и гибким мышлением (growth mindset).

⁷ Lehrer, J. (2011). Why Do Some People Learn Faster? Wired Magazine.

Обладатели фиксированного мышления полагают, что являются носителями определенного уровня интеллекта и не могут в значительной степени повлиять на изменение этого уровня. Обладатели же гибкого мышления уверены, что при условии инвестирования усилий в обучение могут значительно улучшить свои способности⁸.

Эти два типа мышления различаются по способу реагирования на ошибки. Носители фиксированного мышления воспринимают ошибку как знак того, что они недостаточно способны, тогда как для обладателя гибкого мышления ошибка — повод учиться.

Мозеру в полной мере удалось подтвердить теорию Кэрл Двек, ведь оказалось, что обладатели гибкого мышления намного лучше учатся на ошибках. Амплитуда сигнала Ре у них в среднем достигает отметки 50, тогда как таковая у носителей фиксированного мышления равняется 5.

Теория Кэрл Двек является результатом многочисленных психологических экспериментов. Участниками одного из них стали более четырехсот пятиклассников. Дети проходили несложный тест, состоящий из невербальных пазлов, после чего им сообщали их результат, при этом половину детей хва-

⁸ Dweck, C. S. (2006). *Mindset: The new psychology of success*. New York, NY: Random House.

лили за то, что они умные, а другую половину — за старания. Затем детям предложили на выбор два теста разной сложности. Около 90% детей, которых похвалили за ум, выбрали более простой тест. Они предпочли остановиться на уже достигнутом, чтобы не потерять репутацию умных. Те же дети, которых похвалили за усилия, были более безжалостны к себе — они выбрали тест сложного уровня, который позволил бы им продемонстрировать свое стремление прилагать усилия.

Двек продолжила экспериментировать над подопытными пятиклассниками, предложив им решить очень сложный тест, рассчитанный на восьмой класс.

Ученики, которых хвалили за старательность, настойчиво пытались решить задания и добивались значительных успехов. Те же, кого похвалили за ум, быстро разочаровывались в себе и переставали прилагать усилия. Ошибки, которые они совершали, воспринимались ими как признак поражения и доказательство того, что не такие уж они и умные.

Выводы из исследований о ключевой роли ошибок в процессе познания имеют значение не только для школьников и студентов, но для всех людей.

На протяжении всей своей жизни человек обучается новому посредством совершения ошибок, другая форма процесса обучения — невозможна. Не ошибаясь, человек может практиковаться лишь в уже освоенном, для освоения же радикально нового нужны ошибки и готовность их преодолеть.

Ошибки, необходимые для обучения, неизбежно приводят к травматизации. В нашем обществе неженок мы привыкли избегать травм, более того, нередко целью своей жизни мы полагаем избежание травматизации. Мы складываем наши жизни из дней, лишенных травм. Каждый неудачный в этом отношении день мы предпочли бы выбросить из жизни.

Уже Фрейд утверждал, что в процессе развития травматизация неизбежна. По его мнению, возможно провести параллель между физической травмой и психической: «Психическая травма или воспоминание о ней действует подобно чужеродному телу, которое после проникновения вовнутрь еще долго остается действующим фактором»⁹. В случае с психологической травмой аналогом чужеродного тела является неприемлемый опыт — переживание потрясения новым. В этом контексте травма может быть понята как результат знакомства с новым, неожидан-

⁹ Фрейд А. (1995) Введение в детский психоанализ. СПб., «Восточно-Европейский институт психоанализа».

ным. Человек не может измениться, то есть сделать частью себя новый опыт, не будучи при этом им травмирован.

Оберегая себя от травм, человек охраняет свою неизменность. Он дрожит над собой, чтобы ни в коем случае не столкнуться с чем-то новым, что не сможет безболезненно стать частью его мировоззрения. Он лелеет свою неизменность, как будто бы его конечной целью является полное самообездвиживание.

Древние греки утверждали, что учиться — это значит страдать (*μαθεῖν παθεῖν*). Не страдая, то есть не травмируя свою целостность и завершенность, невозможно научиться ничему новому. К счастью, в каждом из нас есть склонность к мазохизму, над развитием которой можно плодотворно работать.

О самоубийстве и саморождении

08 апреля 2015

Мы находимся на грани самоубийства, когда настолько невыносимо сложно, что легче перестать существовать, чем продолжать. К этой грани нас приводит осознание того, что у нас больше ничего не осталось — исчезла последняя зацепка, за которую держалась надежда. Потеряв надежду, мы погружаемся во мрак отчаяния, из которого потом с огромным трудом возвращаемся к жизни или же возвращаемся лишь отчасти, так и не найдя в себе сил полностью избавиться от угрюмого взгляда на мир. Но разве потом, когда полоса неудач закончилась и нам удалось найти новые костыли для жизни, мы не тоскуем хотя бы немного по тому времени, когда всего лишились?

Парадокс в том, что именно в ситуации отсутствия надежды и таится возможность наивысшего счастья. В состоянии безысходности мы свободны, поскольку больше ничего не ожидаем, ведь любая суще-

ствующая в нас надежда делает нас своим заложником. Мы ограничены в своих действиях, если нам есть еще на что надеяться — мы зависим от людей и обстоятельств, с которыми связана эта надежда, нам приходится заботиться о том, чтобы правильно поступить, правильно себя вести, не упустить представляющийся нам шанс.

Мы бежим от свободы, будучи не в силах ее выдержать, и укрываемся в уютной подчиненности обстоятельствам. Если собраться с силами и выработать способность видеть счастье в свободе, а не в подневольности — состояние на грани самоубийства трансформируется в состояние на грани саморождения.

Ситуация безысходности — это шанс возродиться из пепла, предать все, чему мы служили до этого. Новая жизнь и новые мы могут возникнуть лишь из оплодотворенной счастьем пустоты.

Чтобы отправиться за новым приключением, должно завершиться старое. И ничего не может быть радостнее, чем пустота, из которой рождается предчувствие новой жизни и нового себя.

О зонтике

11 апреля 2015

Лоуренс использует удивительную по силе выразительности метафору. Он говорит о зонтике, который человек раскрывает, чтобы укрыться от хаоса¹⁰.

По Лоуренсу, неизвестный и все время растущий хаос — это неизбежная среда нашего существования. Хаос, по отношению к которому у человека выработалась привычка, мы называем космосом. Наполняющий нас хаос — сознанием и культурой.

Человеку невыносимо жить в хаосе, он вынужден укрываться от него в конструкциях из понятных и фиксированных форм — чтобы укрыться от ужасов вечного хаоса, человек раскрывает зонтик. На внутренней его стороне он рисует небосвод и записывает свои условности и мнения. Зонтик становится всей

¹⁰ Lawrence, D.H. “Chaos in Poetry” in D.H. Lawrence — Selected Poems. Mara Kalnins, ed. London: Everyman, 1992.

его реальностью — его жизнь проходит под этим зонтиком, под ним же он и умирает.

Функция поэзии, по Лоуренсу, заключается в том, что поэт, будучи врагом условностей, делает разрез в зонтике, чтобы впустить немного вольного и ветреного хаоса. Делез встраивает эту метафору Лоуренса в свою философию, при этом расширяя круг потенциальных уничтожителей зонтиков. По мысли Делеза, аналогичную поэзии функцию выполняют также философия и наука.

Зонтик-укрытие служит для Делеза символом условностей здравого смысла. Мышление здравого смысла занято упорядочиванием бесцветного, беззвучного и бессмысленного безумия хаоса. Чтобы защититься от него, человек формирует устойчивые мнения, которые в дальнейшем не дерзает подвергать сомнению. Эти мнения являются частью религиозного сознания, создающего всеохватывающие объяснения и абсолютные истины.

“Однако искусство, наука, философия требуют большего”¹¹. Раздирая небосвод, нарисованный на зонтике, ученый, философ и художник делают частью своего восприятия свежий воздух хаоса, способный

¹¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. С. 258.

облегчить тяжесть окончательных порядков и истин. Философия, наука и искусство сражаются не с хаосом, а с устоявшимися мнениями. Они нуждаются в хаосе, он — необходимое условие их деятельности.

“Живописец пишет не на чистом полотне, а писатель — не на белой странице, но на странице или холсте, уже настолько испещренных предсуществующими, предзаданными клише, что материал приходится сперва оттирать, отчищать, отскабливать, даже разрывать, чтобы пропустить свежий ветерок хаоса”¹².

Единственная ценность зонтика — в возможности его испортить.

¹² Там же. С. 261.

Жизнь уродам!

16 апреля 2015

Все, что не вписывается в устоявшееся представление о красоте и нравственности, с перспективы этого представления кажется уродливым. Чтобы защитить себя от преобразований и сомнений в собственной самодостаточности, благородное общество красивых и нравственных вынуждено либо порицать уродство, либо сочувственно относиться к его носителям, объясняя их уродство, к примеру, психической травмой. Во втором случае благородное общество позволяет уродам стать его частью, но лишь на правах больных, нуждающихся в опеке и руководстве.

Ценности, на которых покоится это общество, представляются ему вечными и неизменными. Неотторгаемым членом благородного общества может быть лишь тот, кто во всех отношениях соответствует этим ценностям. Соответствие им делает его таким же неизменным, как и сами вечные ценности.

Наличие уродств отличает их носителя от неразличимой массы желающих остаться в вечности. Уродливость действительно появляется в результате психологических травм и сопряжена с травматизацией, но это не значит, что она нуждается в сочувствии. Невозможно жить и не быть травмированным, ведь жизнь и становление неминуемо предполагают травматизацию. Травма является реакцией на радикально новый опыт, не подвергаться травмам — значит оставаться неизменным, то есть несуществующим.

Свойство жизни — уродовать. Что уродливее — то живее.

О традициях

18 апреля 2015

Традиции — это знания и способы восприятия, накопленные на протяжении длительного исторического периода. На уровне общепринятого смысла существует несколько предубеждений относительно практического понимания того, что такое традиции.

Предполагается, что традиции — это либо данные свыше истинные знания, либо знания, проверенные предыдущими поколениями, которые должны неустанно поддерживаться каждым следующим поколением. В обоих случаях здравый смысл воспринимает традицию как неизменную данность.

Традиции существуют также и в науке, но прогресс науки невозможен при условии слепого следования традициям. Перенимая традицию, научное сообщество одновременно и преодолевает ее. Чтобы понять, как это происходит, следует обратиться к теории научных революций Томаса Куна.

Анализируя историю развития науки, Томас Кун вводит понятие парадигмы. Парадигма — это наиболее общая картина рационального устройства природы. Она является базовой научной традицией, положения которой в определенный исторический период цементируют научное сообщество. Это некие общепринятые научные теории и считающиеся общепризнанными знания. В свое время такими парадигмами были механика Ньютона, теория относительно-сти Эйнштейна и теория атома Бора.

Парадигму составляют не только определенные знания, но и соответствующая им форма научного мировоззрения — взгляд на мир, принимаемый научным сообществом. Этот взгляд диктует способ исследования реальности и определяет круг проблем, над которым работает наука.

Частью научного сообщества может стать только тот, кто принимает цементирующую его парадигму. Будущий ученый начинает путь в науку со школьной скамьи, где он изучает азы общепринятых научных концепций, позже он углубляет эти знания, пока, наконец, не достигнет того уровня, когда язык текущей научной парадигмы не станет для него естественным языком.

Рано или поздно находящаяся в обращении научная традиция сталкивается с проблемами, с которы-

ми она не в состоянии справиться, используя свойственные ей методы. Эти проблемы Кун называет аномалиями. По мере разработки парадигмы обнаруживаются и накапливаются факты, которые не могут быть объяснены внутри этой парадигмы — возрастает число аномалий. Со временем оно становится критичным, что подрывает доверие ученого сообщества к существующей парадигме. Это приводит к его расколу — некоторые члены научного сообщества продолжают следовать традиции, разрабатывая существующую парадигму, другие же высказывают новые гипотезы, претендующие на звание новой парадигмы.

Стоит заметить, что обе конфликтующие стороны научного сообщества основывают свои исследования на традиции. Ведь обнаружение неразрешимых с помощью существующей парадигмы проблем — это тоже результат разработки существующей традиции. Соответственно, выдвижение новых гипотез — также является следствием работы с традицией. Разработка новой парадигмы, иными словами, основывается на разработке старой.

Научная революция — это лишь следствие смены некритического отношения к традиции на критическое. Именно смена этого отношения впоследствии обуславливает преобразование способа мировос-

приятия научного сообщества, так как “во время революции, когда начинает изменяться нормальная научная традиция, ученый должен научиться заново воспринимать окружающий мир”¹⁵.

Отношение науки к научным традициям является образцовым. Нет оснований относиться к традициям как к священным законам или проверенным поколениями правилам, пытаясь при этом с точностью их исполнить и боясь допустить их преобразования. Разумнее продолжить труд предыдущих поколений — находить новые пути совершенствования и изменения традиций.

Слепо следовать традиции — значит оборвать живую традицию, ведь живым может считаться только то, над чем не одержал победу догматизм.

¹⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 127.

О коллективном и индивидуальном мышлении

23 апреля 2015

Мышление в одиночку я считаю nonsensom. Но также мне не близка мысль о том, что коллективное мышление возможно в форме спора. Я согласна с Делезом, который утверждал, что философия не терпит диспута. Философские идеи не рождаются в споре, но это не значит, что философия представляет из себя индивидуальное размышление отстраненного от социума индивида. Мышление философа — это диалог, но принципиально отличающийся от диалогов повседневных.

Человек, в том числе философ, — это социальное существо. Он не существует отдельно от других людей, поэтому любые его мысли являются результатом, то есть диалога, понимаемого как процесс взаимного обмена влияниями. Философа от обывателя отличает лишь способ ведения этого диалога.

Мыслитель — не творец, он лишь редактор с хорошим вкусом. Он тщательно выбирает источники воздействия, под влиянием которых будет формироваться его мышление, и следит за качеством диалогов, в которых принимает участие. Громкие споры — не его стихия и чуждый его вкусу темп. Впрочем, ему также не по вкусу и чрезмерно вежливые диалоги, участники которых понимают друг друга с полуслова, ведь хороший вкус хотя бы в минимальной степени мазохистичен.

О жизни как смерти

29 апреля 2015

В любом живом организме процессы отмирания старых клеток сменяются появлением новых. Благодаря этому ткани организма обновляются: слущивается и вновь нарастает эпителий слизистых оболочек и кожи; из крови выводятся старые эритроциты, на месте которых возникают новые. Даже тем клеткам, продолжительность жизни которых равна продолжительности жизни организма (к примеру, яйцеклеткам), свойственна внутриклеточная физиологическая регенерация, то есть непрерывная смена структурных белков цитоплазмы.

Апоптоз (запрограммированная смерть клеток) является важным механизмом, обеспечивающим развитие организма. В мозгу эмбриона на ранней стадии развития апоптоз нейронов наиболее интен-

сивный. Он замедляется ближе к рождению и продолжается во взрослой жизни, но в еще более замедленном режиме.

К примеру, в мозгу эмбриона цыпленка в возрасте 5 дней было обнаружено свыше 20000 нейронов, тогда как взрослая особь имеет лишь 12000. В период между ранней эмбриональной стадией и зрелым возрастом погибает более 40% нейронов. Большинство из них истребляют себя на протяжении первых 6-9 дней жизни эмбриона¹⁴. Это жертвоприношение нейронов является частью нормального развития мозга.

На уровне синапсов, то есть специализированных контактов между нейронами, также действует принцип необходимости самоликвидации. В процессе обучения сила синапсов увеличивается и ослабляется. Согласно правилу Хебба, описывающему механизм синаптической пластичности, связи нейронов, активизирующихся совместно, усиливаются, а связи нейронов, срабатывающих независимо, ослабевают. Усиление синаптических связей является частью механизма усвоения новых знаний и навыков, но кон-

¹⁴ Changeux, Jean-Pierre. *Neuronal Man: The Biology of Mind*.

фигурация этих знаний и навыков оставалась бы неизменной, если бы ненужные нейронные контакты не могли ослабляться и в конечном счете исчезать. Другими словами, синаптическая пластичность — механизм обучения и развития — с необходимостью включает в себя умение разучиваться ненужным синаптическим связям и, таким образом, обеспечивать возможность формирования новых.

Синаптическая пластичность мозга ребенка настолько превышает уровень пластичности мозга взрослого, что на протяжении длительного периода ученые полагали, что мозг взрослого вовсе не пластичен.

На более абстрактном уровне можно утверждать, что аналогичную функцию умирание играет и в сфере мышления. В живом развивающемся мышлении непрерывно происходит регенерация — конституирующие его идеи и смыслы либо проходят через этапы отмирания и замены новыми, либо основательно преобразуются.

Процесс становления мышления наиболее ярко выражен у детей. Именно поэтому взрослые редко воспринимают всерьез детские рассуждения и уж

точно не делают на их основании выводов о том, имеют ли они дело с умным человеком или глупым. Взрослые ожидают от ребенка, что его мышление изменится.

На всех уровнях ткань живого соткана из круговорота непрерывных смертей. Старое уступает дорогу новому. Жизнь возникает, приходя на смену смерти. Для того, чтобы жить, необходимо непрерывно справляться со старым собой, превратившись в серийного убийцу себя. Лучше всего это получается у детей. Дети живее, потому что в них больше смерти.

Наука как утонченное извращение

02 мая 2015

Принято считать, что наука — это нечто противоположное заблуждению. С этим не согласился бы Ницше.

Воспеваемая им веселость, легкость, извращенность мысли — все то, что делает мысль свободной — считается им фундаментом для науки. Наука невозможна без свободы заблуждений: вначале человек изобретает заблуждения и только потом определяет, какие из них считать истиной. По Ницше, наука — это не противоположность извращениям мысли, она — их утончение.

Воля к знанию является лишь второстепенным образованием по отношению к изначальной воле к незнанию. Научное познание появилось в результате того, что мы сумели дать нашему мышлению ”божественную жажду к резвым прыжкам и ошибочным заключениям”.

Мы окружили себя прекрасным извращением, утонченность и изощренность которого называем наукой.

Об эмоциях и легкости

07 мая 2015

Странно, почему общепринято ассоциировать легкость и свободу с освобождением от оков разума и выходом на волю чувств.

В чувствах обыватель привык видеть настоящего себя, тогда как мышление ему кажется порабощающим и угнетающим. Когда обыватель решает быть самим собой, обычно это значит, что он отказывается от самоконтроля и позволяет себе проявить ту эмоцию, которой охвачен в момент принятия этого решения.

Обывателя обычно не смущает, что после того, как он подвергнется другому влиянию, к примеру, посмотрит телевизионную передачу, убеждающую проникнуться праведным гневом против ущемления вечных ценностей, в его последующее за этим решение быть самим собой будет вложено уже совершенно иное содержание.

Парадокс здесь состоит в том, что хотя обыватель все время меняется, поддаваясь влиянию среды (исключение составляет только мертвый обыватель), он не осознает этого. Обыватель не видит себя как изменчивое существо, состоящее из усвоенных влияний. Напротив, он убежден в существовании некоего настоящего, неизменного себя, находящегося вне влияния среды.

Не разумнее ли признать, что человек является лишь накопителем влияний, но в определенной степени способным выбирать, каким влияниям себя подвергать, а также рефлексировать над процессом своего преобразования, спровоцированного этими влияниями. Именно в такой форме и проявляется критическая функция мышления. Отрицать это, то есть утверждать, что есть настоящие мы, значит бездумно отяжелять себя случайными влияниями.

Стремясь к освобождению от критической функции мышления и веря в существование настоящего себя, человек попадает под случайные влияния, лишая себя тем самым способности самопреобразования, ведь в этом случае он отказывается от сознательного участия в процессе своего становления, пребывая в иллюзии, что некий настоящий Он уже существует и все, что ему остается — это лишь проявлять этого настоящего себя.

Безусловно, бесконтрольно проявлять навязанную средой эмоцию — намного легче, чем прилагать усилия критического мышления. Но эта легкость не сравнится с легкостью, которую приносит кристально чистое осознание отсутствия подлинного себя — разгадывание себя как пустоты. Только раскрыв себя как пустоту, человек получает возможность принимать участие в процессе ее наполнения.

О физической и эмоциональной гигиене

11 мая 2015

Признаком цивилизованного человека считается его способность следить за своим физическим здоровьем. Каждый маленький ребенок знает, что нужно чистить зубы два раза в день, а в случае, если он поранится — ему полагается пластырь. Но очень мало кто из цивилизованных людей считает необходимым следить за своим эмоциональным здоровьем.

Исследователь эмоционального здоровья Гай Винч отмечает нашу ограниченность в этом отношении, задавая саркастичный вопрос: получив физическое ранение, станем ли мы его намеренно усугублять¹⁵? Конечно же, нет. Ведь мы осознаем, что это нонсенс, нечто в корне противоречащее тому, что

¹⁵ Winch G., Emotional First Aid. Practical Strategies For Treating Failure, Rejection, Guilt, And Other Everyday Psychological Injuries.

следовало бы сделать. Тем не менее, когда в нашем эмоциональном здоровье произошел сбой, получив эмоциональное ранение — мы зачастую продолжаем делать себе еще больнее.

Депрессия, к примеру, — это сформировавшаяся привычка повторять негативные мысли и неспособность прервать этот негативный круг. Сознательная работа над отклонением от этого негативного образа мыслей является научно обоснованным способом преодоления состояния депрессии.

Несчастье — это тоже лишь субъективное состояние, а не объективное положение вещей. Это кто-то, чувствующий себя несчастным вследствие того, что совершил выбор негативной интерпретации случившегося, а вовсе не нечто случившееся само по себе. Соответственно, излечиться от несчастья возможно путем замены этого выбора на другой — пересмотрев способ интерпретации случившегося.

Даже в отношении этих простых механизмов мы почему-то предпочитаем оставаться в неведении. Мы считаем, что наши эмоции — это мы сами, и это мешает нам обнаружить механизмы их модификации, то есть начать сознательную работу над своим эмоциональным состоянием.

Наша эмоциональная гигиена — не только нечто важное для нашего собственного благополучия, это

еще и важный фактор в наших отношениях с близкими людьми. В общении с другими пессимистически настроенный или вечно ноющий человек не способен быть частью равноценного социального взаимодействия, ведь отношения с таким человеком всегда сводятся к оказанию ему помощи.

Умение следить за своим эмоциональный здоровьем — такой же необходимый навык, как и гигиена физического тела. Не думаю, что возможна дружба с человеком, который с детства не приобрел привычку чистить зубы, а вот если у человека плохое настроение, то, наоборот, принято считать, что он остро нуждается в друзьях. Нет, для настоящей дружбы нужно вначале стать пригодным — научиться следить за собой.

О хакерах и философии

14 мая 2015

Помимо того, что хакер является экспертом, ему еще и присущ особенный тип энтузиазма. Нашумевший хакер и изобретатель Паблос Холман объясняет, что именно отличает хакера от профессионала: у хакера мозг оптимизирован для открытий и поиска новых возможностей. Как правило, совсем иначе дело обстоит с мамой хакера. Если показать маме новый гаджет, она спросит, для чего он нужен, и вполне удовлетворится ответом, узнав, что это телефон. В результате этого объяснения гаджет станет для нее понятным.

Хакер же поступит с новым гаджетом совершенно иным образом — он разберет его на части и станет придумывать, что можно сделать из этих фрагментов. И это все потому, что для человека с мышлением хакера вопрос не в том, для чего предназначен гаджет, а в том, что можно заставить его делать. Такая постановка вопроса и есть проявление стратегии ис-

следования, нацеленной на открытия. Именно эта стратегия движет научный прогресс, но она также может быть интерпретирована и как основание процесса философствования.

Философ — это хакер в сфере повседневного и общепринятого. Применительно к философии прототипом мамы хакера является обыватель, не обладающий способностью критического взгляда и удовлетворяющийся самыми простыми ответами.

Философ же подвергает сомнению то, в понятности чего обывателю и в голову бы не пришло усомниться. Философ разрушает устоявшиеся смыслы и их привычные связки, используя их как материал для философствования.

О женщине

17 мая 2015

Мне не близки любые рассуждения, в которых артикулируется дифференциация людей на мужчин и женщин. Но все-таки я позволю себе приобщиться к дискурсу, в котором она существует — лишь для того, чтобы обозначить его относительность и возможность деконструкции.

В современном обществе, с его все еще непреодоленными тенденциями, критикой которых занят феминизм, для женщины созданы благоприятные условия для тренировки в ней силы. Возможно, ей с этим очень повезло, возможно, даже настолько, что эти обстоятельства в конце концов обернутся для нее привилегией перед мужчиной.

Там, где мужчина упадет от бессилия, от женщины ожидается, что она с легкостью преодолет все трудности. Ей невероятно трудно, но именно эти невероятные трудности и воплощаемое ею в жизнь невозможное делают ее сильной. Никакой другой урок,

усвоенный любым другим путем, не научит такой чудовищной силе.

Не исключено, что именно эти обстоятельства и развили в женщине способность и дерзновение бороться за свои права. Но в имплементации этой силы существует большой риск, что она иссякнет и обернется слабостью, формой проявления которой является агрессивность. Не ослабевать, а, напротив, становиться только сильнее — значит принять этот урок и осознать его как свою привилегию и повод для самолюбования, а не для мщения тем, кто ассоциируется с угнетающими обстоятельствами.

Это также значит — в результате этого урока суметь быть равными с тем, кто угнетал, а не перейти к ответному угнетению. Пол — это всего лишь глупость, не стоит принимать ее близко к сердцу, даже если из-за нее приходилось так долго и невыносимо страдать. Нам ведь нужны еще силы, чтобы придумать мир, в котором все не так глупо.

О ребенке и сексе

19 мая 2015

Ребенка, играющего со своими половыми органами, не смущает присутствие зрителей — у него еще нет потребности скрываться от взгляда окружающих, но только до той поры, пока ему не сообщат, что он должен стесняться. С этого сообщения начинается его путь во взрослую жизнь. Конечный же этап этого пути, взрослая жизнь — это осознанное стремление удержать в рамках дозволенного свою сексуальную жизнь.

“Половое воздержание вне супружества — это ожидаемый стандарт для всех детей школьного возраста”, “Половая активность вне контекста супружества сопряжена с вредными психологическими и физическими эффектами” — таковы некоторые из пунктов ныне действующей американской программы полового просвещения. В данном случае “просвещение” сводится к ознакомлению с моральными нормами.

Но чаще всего детей “просвещают”, вообще ничего им не говоря. Большая часть народной морали существует в форме подразумевающихся, но неартикулированных правил. Эта практика еще репрессивней железных запретов, так как в процессе воспитания ребенку не сообщается о том, какие именно нормы он должен соблюдать и каким правилам следовать, но это не избавляет его от ответственности за трансгрессию. В мире взрослых ничего не объясняющий, порицающий взгляд другого действует куда более убедительно, чем параграф брошюры социальных служб.

Взросление — это погружение в мир морали; мир, где всеохватывающая серьезность делает возможным появление чувства вины и угрызений совести; мир, в котором больше не играют в игры.

Мораль — это социальный конструкт, а не дар природы: ребенку не известны моральные нормы до того, как его с ними ознакомили. Человек не рождается с чувствами совести, вины и стыда, и пониманием того, “что такое хорошо и что такое плохо” — это просто “знания”, которые навязываются обществом до тех пор, пока будущий взрослый не начнет верить, что нормы морали не относительны, а абсолютны.

Однако до перехода в мир серьезных вещей у детства нет другого измерения, кроме измерения иг-

ры. Для ребенка все — игра, в том числе и сексуальность.

Из дневников личного врача Людовика XIII мы узнаем много интересных подробностей о его взрослении. В возрасте одного года будущий король в процессе игры “заставляет каждого целовать свой пенис”¹⁶.

Людовику XIII пять лет. Мадемуазель Мерсье, одна из горничных, присматривавших за ним ночью, еще не встала с постели (ее кровать находилась около кровати Людовика): “Он полез к ней играть, просит ее пошевелить поочередно пальцами ног, она поднимает по его просьбе ноги вверх, он “говорит кормилице, чтобы та принесла розги, так как он хочет пошлепать служанку по ягодицам. Добивается исполнения... Кормилица спрашивает: Мсье, что вы видели у Мерсье? Отвечает холодно: Я видел попку. Что вы видели еще? Отвечает серьезно, без эмоций, что видел ее письку”. В другой раз “играет с мадемуазель Мерсье, зовет меня и сообщает, что у Мерсье писька вот такая (показывает — в два его кулака) и что там сыро”.

Сегодня подобные игры недопустимы. По мере взросления и попадания в мир запретов и норм сек-

¹⁶ Цит. по: Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999, С. 110.

суальность вплетается в общую канву противостояния морального и аморального, разделяется на разрешенное и запрещенное, попадает под контроль вины и стыда — а это все не игрушки.

Покидая детство, мы все начинаем дышать тяжелым воздухом, сотканным из туманных границ, которые нельзя переступать, чтобы не чувствовать осуждения. Но если бы за последние несколько столетий не произошло захвата секса дискурсом морали, сейчас бы кто-то мог постучать в вашу дверь и сказать: “Привет, выходи играть в секс”.

О депрессии и управляемости

23 мая 2015

Концепт вины является одним из средств контроля человека, используемым в христианстве. Согласно христианской доктрине, жизнь Иисуса была принесена в жертву за наши грехи. Эта жертва настолько чудовищна, что мы никогда не сможем ее искупить, а значит, никогда не сможем избавиться от чувства вины. Тем не менее, праведная жизнь — это неустанные попытки загладить свою вину.

Апелляция к чувству вины — это один из способов сделать человека покорным. В русском языке видна эта связь. Слова “виноватый” и “повиноваться” имеют один и тот же корень. Человек, который чувствует себя в чем-то виноватым, стремится загладить вину, чтобы избавиться от этого чувства, поэтому им становится легко управлять.

Нас с детства воспитывают, обвиняя в чем-то — слушаясь и интернализируя чувство вины, то есть превращая это чувство в совесть, мы становимся хо-

рошо воспитанными. Не только чувство вины, но и любое состояние подавленности и несчастья делает нас более управляемыми. По большому счету, в состоянии несчастья социальная активность сводится к просьбе о помощи. При этом у нас достаточно сил, чтобы взывать о поддержке, но недостаточно для того, чтобы критически оценивать предложения помочь.

Как правило, человек, чувствуя себя несчастным, легко принимает на веру даже самые подозрительные варианты, сулящие поддержку — те, уровень сомнительности которых, будь у него достаточно внутренних сил для критического анализа, он бы осознавал в полной степени.

В состоянии несчастья человек становится безучастным. Его жизнь обесценивается: ему кажется, что терять больше нечего. Поэтому он мало заботится о качестве тех влияний, которым поддается.

В таком состоянии человек становится легкой наживой для любых предложений, ассоциирующихся с надеждой на избавление от отчаяния — от примитивных сериалов и компьютерных игр до разного рода гадалок и спасительных таблеток, которые не требуют консультации врача.

Между управляемостью и состоянием несчастья можно проследить и обратную связь. Чаще всего де-

прессии подвержены люди, которые не обладают умением быть счастливыми вне зависимости от обстоятельств. Такие люди видят свое счастье во внешних обстоятельствах, им всегда чего-то остро не хватает для чувства удовлетворенности. Ими легче управлять, потому что они не осознают, что им подвластно самим выбирать, от чего быть счастливыми. Оставаясь в этом неведении, они устремляются за шаблонным счастьем и верят тем, кто наиболее убежденно выскажет мнение по поводу того, что делает человека счастливым.

Затяжная депрессия нередко обозначается как предсуицидальное состояние, а ведь от интенции самоубийства до саморождения — один шаг. Главное здесь — приставка «само».

Об агрессии

30 мая 2015

Жизненные обстоятельства определяют человека в гораздо большей степени, чем ему порой кажется. От его сознательных решений не так уж и много зависит, по большому счету — он всего лишь заложник обстоятельств. Правда, он может пытаться преобразовывать свои жизненные обстоятельства и критически относиться к тем влияниям, которым подвергается.

К примеру, в наших вспышках агрессии мы, как правило, склонны винить в первую очередь себя, пенять на свою собственную слабость, не понимая при этом, что наше эмоциональное состояние в определяющей степени зависит от условий нашей жизни и лишь в минимальной — от нашего непосредственного желания или нежелания проявлять агрессию.

Поскольку мы привыкли верить, что существуют настоящие мы, любой промах и любую свою ошибку мы склонны расценивать как разоблачение своей

скверной сущности. А что, если нет никакой сущности? Что, если есть почти исключительно обстоятельство?

Даже природа животных относительно и изменчива, они также являются заложниками обстоятельств. Например, известно, что шимпанзе отличаются высоким уровнем внутривидовой агрессии. Но даже это, казалось бы, естественное свойство зависит от условий среды. Это доказывает следующий эксперимент. В центре небольшого острова была сооружена башня, откуда ученые наблюдали за 32-мя населяющими его обезьянами. На первом этапе вокруг башни огородили пространство в радиусе 100 метров. В течении нескольких дней в группе была сформирована строгая иерархия, но на протяжении всего первого этапа эксперимента установленный порядок не соблюдался. Число стычек среди шимпанзе было крайне высоким. Первый же родившийся ребенок был убит членами стаи. Через год стая насчитывала лишь 25 особей.

На втором этапе радиус территории, доступной шимпанзе, расширили до 500 метров. В результате установленный порядок стал соблюдаться более эффективно: количество драк сократилось более чем в 10 раз, через год стая насчитывала 36 особей.

Этот эксперимент показывает, что поведение шимпанзе в значительной степени обусловлено средой и обстоятельствами — если меняются обстоятельства, меняется и “сущность” шимпанзе. Это в еще большей степени относится к человеку — не существует настоящих нас, есть почти исключительно обстоятельства, которые, к счастью, могут меняться.

О главном вопросе философии

04 июня 2015

Здравый смысл является убежищем от неприятной необходимости думать. В его арсенале всегда есть готовый ответ на любой вопрос — обычно это первое, что приходит в голову, когда появляется повод о чем-то подумать. Останавливаясь на этой первой мысли, человек упускает шанс задуматься. Таким образом, здравый смысл представляет из себя артикуляцию привычных конструкций мысли и устоявшихся способов мировосприятия. Это сфера очевидного, где больше нечего понимать, ведь все уже правильно понято до нас.

Чтобы инициировать процесс мышления, необходимо признать недостаточность повседневной интерпретации. Другими словами, нужно разоблачить в ней отсутствие мысли — обнаружить пустое пространство, которое впоследствии сможет быть заполнено мышлением. Разница между привычным пониманием и философской интерпретацией и заключа-

ется в том, что последняя находит пустоту в очевидном, тогда как привычное понимание ее нивелирует.

Мышление возникает как замещение своего собственного отсутствия. В этом процессе бездумье повседневности заменяется ее обдумыванием. Там, где не было мышления, где все было доведено до автоматизма и само-собой-разумеющей, возникает вдумчивость и критический взгляд. Философия начинается с вопроса “WTF?” относительно любой очевидности.

О шепоте

06 июня 2015

*Быть может, прежде губ уже родился шепот.
Осип Манделъштам*

В “Словах и вещах” Фуко время от времени прибегает к метафоре шепота. Он говорит об источнике культуры как о “непрекращающемся первоначальном шепоте”, а также о том, что язык рождается из “шепота именованый”¹⁷.

Фуко был предан материалистическим концепциям языка и культуры, поэтому источник, для обозначения которого он использует метафору шепота, символизирует порождающее материальное начало — “самую гущу материи”. В восприятии процесса, обозначаемого Фуко как “нашептывание”, он довольно близок к идеям современных неоматериалистов, утверждающих, что материя обладает свойст-

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи.

вом самогенерации формы, другими словами, что она — пластична.

Даже сегодняшнее привычное мировоззрение все еще предполагает творца — любой процесс формирования мы привычно понимаем как привнесение формы извне. Это мировоззрение предполагает некое противоположное материальному духовное начало, по отношению к которому материальное — вторично. Даже постмодернизм не смог преодолеть это заблуждение, имплицитно провозгласив творцом человека. Но материальное вовсе не является пассивным материалом, в который форма привносится откуда-то извне, оно само “беременно формообразовательными возможностями”¹⁸. С этой позиции духовное — это не источник форм, а скорее оформленная, то есть застывшая, часть материи, которая утратила способность к гибкости.

Шепот, действительно, потрясающе выразительная метафора для обозначения материальности. Произнесенные шепотом слова еще не вполне ото-рвались от порождающих их губ, он все еще обличен в их плоть. Поэтому то, что шепчется — воспринимается как более телесное и громоздкое, чем то, что говорится громко.

¹⁸ DeLanda M. “Deleuze, Diagrams and the Genesis of Form”.

Если образу шепота соответствует материальность, то образу крика — духовность. Громкие, отчетливо произнесенные слова свидетельствуют об уверенности в своей правоте. Такая уверенность предполагает, что есть некое “правильно”, именно соответствие ему и служит оправданием кричащему. Это “правильно” — оформлено и завершено, то есть отменило свою пластичность.

Тот, кто громко говорит, заглушает другие звуки и слышит только самого себя. Сказанное же шепотом ненавязчиво, шепчут тогда, когда одновременно слушают. Шепот действует успокаивающе, поэтому когда мы нежны — мы шепчем. Громкая же речь в самом непосредственном смысле является насилием. Громкие звуки рефлекторно воспринимаются как предупреждение об опасности и провоцируют стрессовое состояние.

Поэтому тсс, тише, тише.

Не быть собой

11 июня 2015

Наше повседневное понимание того, что такое человек, представляет из себя религиозный пережиток. На это указывает, к примеру, распространенный в наши дни призыв быть самим собой, предполагающий, что человек обладает некой сущностью, реализация которой вменяется ему в обязанность.

Концепт человека, обладающего сущностью, является экстраполяцией концепта бога. На ранних этапах становления сознание человека породило идею бога — неизменной и вневременной реальности, внешней по отношению к несовершенному миру людей, в котором существуют рождение, преобразование и смерть. Религиозное сознание также предполагает наличие у человека души — частицы бога. Душа считается подлинным в человеке, она вечна, ее наличие гарантирует человеку воскресение после смерти его физического тела. В призыве быть самим собой задействована та же логика. Сущность, кото-

рую этот призыв приписывает человеку — тоже вне-временна, ведь предполагается, что она не меняется с течением времени: всегда уже известно, кто ты такой на самом деле, необходимо лишь предпринять усилие, чтобы познать и реализовать истинного себя.

Следуя этому призыву, человек выскальзывает из процессуальности, в пространстве которой в каждый момент времени неизвестно, каким он станет, и где, именно благодаря наличию неизвестности, сохраняется возможность его преобразования. Этот же принцип пропаганды вневременной составной человека имплицитно присутствует и в других распространенных призывах: найти свое предназначение, узнать свою судьбу.

Человек боится своей смертности и бессмысленности, поэтому увязает в религиозном сознании, сулящем ему вечную жизнь и заботливо уготованную судьбу. Но, идя на поводу у этого страха, он лишается намного большего — своей непосредственной материальности, то есть возможности быть материалом для преобразования, а также бессмысленности, отрывающей возможность любого смысла.

Религиозному представлению о человеке можно противопоставить представление о нем как о социальном существе, но только если в контексте последнего индивид осознается как процесс, являющийся

составной еще более обширного процесса. Эта оговорка необходима, ведь, как правило, говоря о человеке как о социальном существе, подразумевают, что индивид — это продукт социума. Социум сформировал его, превратив в завершенное существо; такого человека тоже можно смело призывать быть самим собой.

Лишь перспектива, учитывающая процессуальность и формируемость человека, может противостоять религиозной точке зрения. В соответствии с этой перспективой человек, как социальное существо, непрерывно формируется под воздействием социальной среды. Социальный человек — всего лишь влияния, которые он впитал, и средоточие связей с другими людьми. Религиозное же сознание представляет из себя вирус, изымающий человека из процессуальности и превращающий его в статику.

Лозунг “быть самим собой” также призывает отличаться от других. Здесь тоже несогласованность, ведь человек — ничто иное, как имитация других, правда, имитация с незначительным отклонением. Но это отклонение не является статичной отличительной чертой человека. Прежде всего, отклонение — это процесс, предполагающий непрерывное наличие того, от чего происходит отклонение. Если от-

клонение прекращается, это отменяет и саму имитацию, а значит и индивида.

Социальная среда — и есть модификационное пространство, в котором происходит непрерывное формирование индивида посредством взаимодействий, обучения, подражаний, влюбленностей, петтинга и игр в куклы. Стремиться быть собой — значит упустить самое интересное.

Родом из оргии

17 июня 2015

Современная нейронаука считает мозг человека социальным органом — он существует и развивается во взаимоотношениях с другими, как часть более общей сети взаимосвязей. Для того, чтобы мозг человека развивался, ему необходима связь с мозгом другого.

Метью Либерман, один из основателей социальной когнитивной нейронауки, уверен, что социальное для современной нейропсихологии играет такую же ключевую роль, как бессознательное в психоанализе.

Либерман предложил пересмотреть пирамиду Маслоу, приводя доводы в пользу того, что социальные потребности находятся в самой основе пирамиды, являясь даже более базовыми, чем потребности в пище. Его аргументация проста. Для того, чтобы были удовлетворены те потребности человека, которые в изначальной версии пирамиды считались базовы-

ми, вначале ему необходимо вступить в контакт, наладив связь с опекунами.

По словам Либермана, “наше самосознание больше похоже на скоростную магистраль для социальных влияний, чем на непроницаемую личную крепость, каковой оно нам представляется”¹⁹. Социальный режим — это базовый режим нашего мозга. Он может быть обнаружен у младенцев в возрасте двух дней и предшествует любому сознательному интересу к социальному миру.

Либерман демонстрирует, что мы одинаковым образом реагируем на социальный остракизм и на физическое увечье. Когда мы расстаемся или ссоримся с тем, к кому привязаны, мы испытываем боль сродни физической. Это подтверждает тот факт, что социальные потребности являются базовыми и неурядицы в этой сфере таят в себе не меньшую опасность для человека, чем болезни его тела.

В процессе эволюции человек выработал высокую способность к адаптации, позволяющую ему предсказывать, что происходит в сознании других, и, как результат, лучше выстраивать взаимоотношения с ними. Осознание себя является достаточно поздней эволюционной способностью, выработанной челове-

¹⁹ Lieberman, M. Social: Why Our Brains Are Wired to Connect.

ком на пути совершенствования способов кооперации. Сегодня мы привычно ассоциируем самосознание с отстраненностью от общества и эгоизмом, не учитывая при этом, что оборотной стороной способности сознавать себя является способность уживаться с другими.

Потребность в социальных связях — наиболее существенная и определяющая человека черта, поэтому оргия, понимаемая как состояние предельной интенсификации социальных связей, является подходящим образом для описания основополагающей имманентной формы организации общества. Не случайно ведь оргия в древних обществах была наиболее распространенной формой празднеств.

Мы можем до бесконечности утончать элементы этой имманентной формы сосуществования, к примеру, от непосредственных органистических связей переходить к опосредованному книгами обмену мнениями, но, в сущности, мы навсегда останемся частью порождающей нас социальной оргии.

Если вы не крокодил

20 июня 2015

Наблюдение является ключевым элементом обучения, наблюдая за другими, человек преобразовывает себя. Современные нейробиологические исследования показывают, что это происходит “автоматически”.

В 1980-х годах нейробиолог Джакомо Ризолатти и несколько его коллег проводили опыты по наблюдению за активностью мозга обезьян при выполнении определенных действий. В ходе своей работы они случайно обнаружили, что одни и те же нейронные связи активизировались и в случае, если обезьяна наблюдала за тем, как исследователь совершает некое действие, и когда она сама совершала это действие. Так, если обезьяна брала какой-то предмет, в моторном отделе ее мозга возникала такая же нейронная активность, как и в том случае, если обезьяна лишь наблюдала за действиями берущего предмет.

Активизирующиеся при наблюдении за чужими действиями нейроны были названы зеркальными, поскольку они автоматически отражают в нейронных связях наблюдающего действия тех, за кем он наблюдает, и позволяют ему “прочувствовать” происходящее так, как если бы он совершал это действие сам.

Позже, в 90-х годах, Ризолатти и его коллеги опубликовали статью, описывающую систему зеркальных нейронов и ее роль в распознавании действий. Авторы выдвинули гипотезу, что люди тоже обладают системой зеркальных нейронов. С тех пор была проделана большая исследовательская работа по изучению этого вопроса, в том числе исследования МРТ, подтверждающие, что человек действительно обладает такой системой.

В своей статье Ризолатти предположил, что раскрыл базовый механизм обучения и сопереживания. Многие ученые все еще стремятся опровергнуть его выводы, но значительно большее число — их дополнить. Например, исследования, последовавшие за статьей Ризолатти, показали, что новорожденные уже в возрасте 42 минут начинают повторять показанные им жесты²⁰. Это довольно сенсационное от-

²⁰ Meltzoff, A. & Prinz, W. The imitative mind: Development, evolution and brain bases.

крытие, ведь раньше считалось, что младенцы изначально не способны подражать.

Общеизвестный факт, что младенцы улыбаются в ответ на улыбку, хотя они и не имеют приобретенных навыков реакции на этот жест. До того, как ребенок сможет увидеть свое отражение в зеркале, он уже в определенном смысле является отражением поведения других.

Хотя это обширная и сложная тема, полная картина последствий которой пока не ясна, затрагивающие ее исследования свидетельствуют о том, что мозг в определяющей степени — социальный орган. Обучение — это прежде всего имитация, и она происходит более непосредственно и более автоматически, чем предполагалось ранее.

Человек сохраняет способность к обучению на протяжении всей своей жизни. Основой обучения является копирование других, а уникальность наших знаний — это лишь отклонение от базового процесса имитации. В процессе воспитания мы учимся снижать действие зеркальных нейронов волевым усилием, но это не отменяет того факта, что изначально мы — имитация.

Вы в принципе не можете быть самим собой и не имитировать других, разве что в том случае, если вы — крокодил²¹.

²¹ Крокодилы — самые близкие из родственников динозавров, доживших до нашего времени. Они обладают наиболее примитивным мозгом среди всех высших животных — их мозг размером с грецкий орех. Крокодилы практически не способны обучаться, на протяжении всей жизни они не приобретают новых знаний и умений, а лишь следуют инстинктам и воспроизводят безусловно-рефлекторные схемы поведения. Это значит, что они все время остаются сами собой, правда, при этом являются точной копией других крокодилов.

О радикальной силе доверия

06 июля 2015

Современный философ Браха Эттингер говорит о радикальности способности доверять, обладающей, по ее мнению, силой сопротивления устоявшемуся социальному порядку²². Это контринтуитивное утверждение, ведь, как правило, считается, что именно отсутствие доверия движет социальный прогресс.

Рациональным поведением общепринято считать подозрение и стремление защитить себя от риска, который неизбежно влечет за собой доверие — но это так только в контексте картезианского понимания рациональности. Рациональность следует понимать не как бесчувственность, а, наоборот, как способность быть более чувствительным. Проявлением такой рациональности является высокая степень восприимчивости, которая проявляется как открытость новому опыту и способность учиться новому. Дове-

²² Bracha L. Ettinger, *Lamella, Life-Drive, “Subreal”*.

рие — неотъемлемый элемент такой восприимчивости.

По словам Эттингер, “доверие всегда уже обладает травматическим измерением”, ведь человек предстает беззащитным перед тем, кому он доверяет, и рано или поздно эта беззащитность становится ощутимой. Травматичность непосредственно связана с восприимчивостью, больше того, травматическое измерение является пространством, в котором происходит преобразование человека — невозможно приобрести новый опыт и новые знания, то есть измениться, не будучи при этом хотя бы в минимальной степени травмированным.

Следует уточнить, что предельная радикальность заключается не в принятии решения доверять, а в способности продолжать доверять даже после того, как доверие было обмануто, и, казалось бы, следовало сделать “рациональный” вывод о том, что не оправдавшему ожиданий доверять больше не следует. Самые стойкие социальные союзы — это союзы родителя и ребенка. Если ребенок многократно обещает что-то и не выполняет обещания — это не считается достаточным поводом для того, чтобы союз был разорван. В данном случае одна из сторон союза, родитель, учитывает, что ребенок все еще только учится. В результате ребенок действительно получает

возможность научиться выполнять обещания, то есть стать достойным доверия. Между собой же взрослые поступают по-другому.

Вне зависимости от возраста участников взаимное доверие позволяет формировать союзы, в которых возможно преобразование. Противоположное же доверию состояние — подозрение — будучи обращено к мнимой неизменной сущности человека и являясь попыткой вывести его на чистую воду, не допускает возможности преобразования.

В своей провокационной книге “Дубль реальности” Вадим Климов анализирует фильм Коста-Гавраса “Музыкальная шкатулка”. Речь в нем идет о пожилом венгерском эмигранте Майке Лазло, который более сорока лет провел в Америке, заслужив за это время репутацию добропорядочного и отзывчивого человека. Тем не менее, близкие Майка меняют свое мнение о нем после того, как обнаруживается, что во время Второй мировой войны он работал в концентрационном лагере. Из событийной линии фильма Климов заключает, что хотя западное общество и пропагандирует развитие личности, в действительности же люди не верят в осуществимость преобразования друг друга. Если бы эта вера существовала, общество допускало бы возможность того, что жестокий нацист может превратиться в милого доб-

ропорядочного дедушку. Фильм также можно интерпретировать как демонстрацию неспособности западного общества доверять и вследствие этого отсутствия самой возможности преображения.

Современный человек стремится создать условия, в которых ему не придется кому-либо доверять — он хочет ни от кого не зависеть, не осознавая, что даже дружественные отношения не могут иметь другого основания, кроме как безусловного взаимного доверия, требующего, чтобы человек предстал перед другим уязвимым и зависимым.

Бадью тебя уничтожит

11 июля 2015

В послевоенной философии сложилась тенденция изобличать довоенную философию в наличии в ней идейной подоплеки, обусловившей возможность фашистского режима.

Сегодня эта тенденция только разрослась — стала привычной практика изобличения не только определенных направлений в философии, но и любого индивидуального способа мышления. В результате почти вся философия стала предостерегающей — шипящей и ворчащей.

Стратегия выискивания опасностей втянула ее в порочный круг: любые дерзновения мысли, в том числе изобличающие опасности, могут в свою очередь стать объектом уличения. К примеру, определение фашизма, которое дает Бадью, можно считать провоцирующим фашизм, ведь оно настолько странно, что, руководствуясь им, можно обвинить в

фашизме любого — того, кого в зависимости от ситуации удобно в нем обвинять.

Ужас фашистского режима в том, что спровоцировавшие его причины необъяснимы, а значит, невозможно предупредить его повторение, раскрыв и подвергнув критике его основания. Страх, результирующий из нежелания это осознать, и привел к тому, что философия стала помешанной на выискивании опасностей. У нее эту тенденцию позаимствовал и здравый смысл.

Страх не избавляет от породившей его причины, он лишь разрушает то, чем овладел. Человечество сегодня напугано до потери мышления.

Lamella без кота, или психоаналитическая теория сексуальности

23 июля 2015

Вопрос сексуальности, как известно, является основным вопросом психоанализа. Размышляющие в контексте психоанализа философы уже устали повторять, что выдвинутая Фрейдом теория сексуальности не призвана разрешать проблемы, связанные с сексуальностью человека, напротив, она сама по себе является способом постановки проблемы. Психоаналитическая теория сексуальности не говорит ничего нового о самом сексе — Лакан утверждает, что “никакой субстанции, на которую он (психоанализ) претендовал бы воздействовать, в том числе субстанции сексуальной, он, даже молчаливо, не признает... О том, как работает сексуальность, мы от него ничего нового не узнали”²³. В соответствии с теорией психо-

²³ Жак Лакан, Четыре основные понятия психоанализа.

анализа, сексуальность также не является неким скрытым смыслом нашей внутренней жизни, она сама лишена какого-либо определенного смысла.

Чтобы прояснить значение психоаналитической теории сексуальности, нам следует обратиться к “Трем очеркам по теории сексуальности” Фрейда. Аленка Зупанчич, ведущий представитель Люблянской школы психоанализа, следующим образом суммирует изложенную в этой работе теорию: “Сексуальность — это основанное на парадоксе отклонение от нормы, которой не существует”²⁴.

Очерки по теории сексуальности Фрейд начинает с анализа гомосексуальности, педофилии, садизма, мазохизма и других сексуальных отклонений, которые были провозглашены таковыми в современном ему медицинском знании. Они считались отклонениями по отношению к естественному проявлению сексуальности, которым представлялся половой акт между мужчиной и женщиной, преследующий цель репродукции.

Фрейд демонстрирует, что механизмы, задействованные в этих отклонениях, присутствуют и в том, что общепринято считается нормальной сексуальностью. Так, говоря о педофилии и зоофилии — выборе

²⁴ Alenka Zupančič, “Psychoanalysis”, in *The Edinburgh Companion to Twentieth-century Philosophies*.

детей и животных в качестве сексуальных объектов — Фрейд отмечает, что большинство людей предпочли бы приписать эти извращения безумцам, но они также присущи и вполне здоровым людям.

Обратимся к тексту Фрейда:

“Врачи, изучавшие впервые перверсии на резко выраженных случаях и при особых условиях, были, разумеется, склонны приписать им характер болезни или дегенерации подобно инверсиям. Однако в данном случае легче, чем в том, признать такой взгляд неправильным. Ежедневный опыт показывает, что большинство этих нарушений, по крайней мере наименее тяжелые из них, составляют редко недостающую составную часть сексуальной жизни здорового, который и смотрит на них так, как и на другие интимности... У всякого рода здорового человека имеется какое-нибудь состояние по отношению к нормальной сексуальной цели, которое можно назвать перверсией”. Фрейд заключает свое рассуждение, предполагая, что “в основе перверсий лежит нечто врожденное, но нечто такое, что врождено всем людям как предрасположение”.

Следовательно, перверсии являются необходимой составной частью сексуальной жизни человека. Влечение не просто неизбежно предполагает отклонения, оно не представляется возможным без них.

Помимо вопроса перверсий Фрейд затрагивает проблему естественного влечения мужчины к женщине, утверждая, что оно также не является самоочевидным фактом, а скорее проблемой, требующей прояснения. В итоге все ключевые положения, касающиеся сексуальности, Фрейд определяет как спорные, тем самым обнаруживая проблемность в том, что до появления теории психоанализа не было представлено как проблема.

Таким образом, сексуальность, согласно Фрейду, не может быть определена как известный набор естественных для человека реакций и переживаний, связанных с таким же естественным для него половым влечением.

Равным образом следует отринуть и любые другие определения, представляющие сексуальность как познанный непроблематичный феномен, в том числе более современное представление о сексуальности как естественности самой по себе, которую необходимо освободить от оков морали.

Согласно Фрейду, сексуальность — нечто совершенно противоположное этому. Она сама по себе имеет проблематичный характер. Сексуальность не является тайной, которая была раскрыта психоанализом, скорее она представляет из себя обнаруженный им сущностный антагонизм. В терминах Лакана сек-

суальность — это само несовпадение и разрыв в природе человека, “конститутивный дисбаланс человеческой природы”.

По утверждению Аленки Зупанчич, сексуальность в психоанализе является точкой радикальной дезориентации, которая одновременно представляет из себя фокальную точку вопрошания всех наших представлений о том, что такое человеческое существо²⁵.

Важное теоретическое достижение Фрейда заключалось в том, что он десубстантивировал сексуальность, отрицая ее естественность. Фрейд продемонстрировал, что сексуальность существует лишь как отклонение от самой себя и от того, что провозглашается естественностью. Это несовпадение с естественностью определяет все сферы и измерения жизни человека.

Фрейдовский термин, который служит для обозначения исходного и неисправимого дисбаланса природы человека — “либидо”. Либидо — это не уникальная характеристика, определяющая человеческое, а, наоборот, точка обесчеловечивания, в которой человек не совпадает с самим собой.

²⁵ Alenka Zupančič, *Why Psychoanalysis?: Three Interventions*.

В XI семинаре, преследуя цель объяснить, что такое либидо, Лакан вводит мифологическое понятие ламелла. Приведем здесь размышление самого Лакана:

“Ламелла эта совершенно плоская и очень тонкая, передвигается она подобно амебе. Конечно, с ней дело обстоит посложнее. Но проникает она абсолютно везде. Поскольку же она представляет собой нечто такое, что имеет прямое отношение — я вам сейчас объясню, почему, — к тому, что половораздельное существо, приобретая признаки пола, теряет, оно, подобно амебе, по сравнению с половораздельными существами, бессмертно... Ведь ламелла, о которой я говорю, орган, который характеризуется тем, что не существует, хотя органом, тем не менее, остается — относительно места его в зоологическом плане я мог бы вам рассказать поподробнее, — это не что иное, как либидо.

Это именно либидо, инстинкт жизни в чистом виде, жизни бессмертной, нетленной, жизни, которая не нуждается в органах, жизни простой и неистребимой. Это то, собственно говоря, чего живое существо

лишается, когда вступает в цикл воспроизведения рода половым способом”²⁶.

Анализируя лакановский текст, Жижек называет ламеллу “лишенной плотности субстанцией и бесконечно пластичным объектом”²⁷, он сравнивает ее с улыбкой чеширского кота, которая продолжает существовать, даже когда тело кота исчезает:

— Договорились, — сказал Кот и на этот раз действительно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом постепенно все остальное; наконец осталась только одна улыбка, — сам Кот исчез, а она еще держалась в воздухе.

“Вот это да! — подумала Алиса. — Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без кота — это я прямо не знаю что такое!

Будучи десубстантивированной пластичностью, ламелла представляет из себя видимость, которая маскирует внутреннюю пустоту. В интерпретации Жижека ламелла обозначает Реальное в его самом устрашающем измерении изначально бездны, которая поглощает все, растворяя все идентичности. “С ее бесконечной пластичностью, она может придавать себе множество форм, это чистое зло животного на-

²⁶ Жак Лакан, Четыре основные понятия психоанализа.

²⁷ Slavoj Zizek, “Troubles with the Real: Lacan as a Viewer of Alien”.

чала, совпадающее с машинной слепой настойчивостью”²⁸.

Десубстантивированной пластичности либидо соответствует также то, что Фрейд назвал «влечением к смерти». Это влечение парадоксальным образом обозначает свою противоположность — бессмертие как избыток жизни, превосходящий рамки биологического цикла жизни и смерти, рождения и умирания. Стремление к смерти проявляется как склонность тела повторять болезненный опыт прошлого — то есть вести себя так, будто ему свойственна бессмертность. Умножая и репродуцируя себя через асексуальное деление, ламелла одновременно предшествует и превосходит сексуальную репродукцию.

Браха Лихтенберг Эттингер несколько иначе интерпретирует лакановский образ ламеллы²⁹. Для нее также, как и для Жижека, ключевым моментом является связь либидо с влечением к смерти, оборотная сторона которого — излишек жизненности. Жажда физической близости, сплетающая наши тела и влекущая за собой рождение ребенка — неподконтроль-

²⁸ Там же.

²⁹ Bracha L. Ettinger, *Lamella, Life-Drive, “Subreal”*.

на нам. Она не выражает наши индивидуальные интересы и не является принадлежащим нам желанием, скорее, сексуальное влечение представляет из себя подчинение индивидуального, необходимое для продолжения жизни. Это влечение наносит ущерб индивидуальному, но оно выгодно природе. Таким образом понятому образу ламеллы может соответствовать сперма, ДНК, передающаяся плоду — все то, что вовлечено в репродуктивный процесс.

Продолжая линию размышлений Брахи Эттингер, можно вести речь об индивидуализации как о том, что возникает в качестве противопоставления грубой силе природы, отменяющей индивидуальное. Человек принимает сексуальное желание за свое личное, но именно это желание, кажущееся ему его наиболее интимным стремлением, деиндивидуализирует его. Определяющим человека измерением, поэтому, является то, в котором он не совпадает с самим собой, в котором его индивидуальность существует лишь как часть процесса деиндивидуализации.

Теорию сексуальности Фрейда также рассматривают как психоаналитическую концепцию неконсистентности бытия. Разработку этой теории продол-

жил Лакан, стремившийся представить сексуальное как концепт конститутивной незавершенности реальности. По его словам, “реальность бессознательного — это реальность сексуального”.

Аленка Зупанчич также указывает на существующее на уровне формальной дискрипции сходство между теорией либидо и теорией Бадью, согласно которой чистое бытие является изначально неконсистентным множеством, состоящим из пустоты и представляющим из себя избыток, устремленный за пределы за себя.

Материалистическая позиция психоанализа такова: “Бессознательное — это не субъективное искажение объективного мира, это, прежде всего, свидетельство фундаментальной неконсистентности самого объективного мира, который, будучи неконсистентным, позволяет и генерирует свои собственные (субъективные) искажения”³⁰.

Стоит заметить, что психоаналитическая теория либидо более материалистична, чем теория Бадью — она объясняет сходный принцип самогенерации, результирующий из неконсистентности, но при этом ограничивается описанием исключительно материальных процессов, не допуская выхода за их рамки.

³⁰ Alenka Zupančič, “Psychoanalysis”, in *The Edinburgh Companion to Twentieth-century Philosophies*.

Реальность генерирует себя посредством несовпадения с самой собой и не нуждается для этого в некоем дополнительном по отношению к ней регистре.

Психоаналитическая теория сексуальности предполагает, что реальность конституирована как извращение самой себя. Человек не является исключением — он определяется посредством сексуальности, но сексуальности непременно перверсивной.

Эволюция — игра на свалке

30 июля 2015

Наиболее распространенное заблуждение относительно идеи эволюции Дарвина заключается в том, что она понимается как развитие, целью и конечным пунктом которого было появление человека. В соответствии с этим заблуждением человек считается венцом эволюции, а положения Дарвина — объяснением пути, который проделала природа, чтобы увенчаться человеком.

По словам современного философа Дэниела Деннета, идея Дарвина об эволюции видов может быть интерпретирована как раскрытие определенного комплекса алгоритмов. Человек в таком случае представляет из себя результат работы этого комплекса, но он не является его целью, ведь алгоритмы не имеют целей и назначений. Идея Дарвина и концепт алгоритмов — нечто совершенно противоположное мышлению, предполагающему наличие в природе разумного замысла.

Современное понимание того, что такое алгоритм, было определено в 1930-х годах фундаментальными разработками Черча, Геделя и Тьюринга. В качестве одной из ключевых характеристик алгоритма в его современном понимании может быть определена его базовая бездумность (*mindlessness*). Хотя дизайн конечного продукта алгоритма может быть очень сложным, сам алгоритм возможно разбить на множество шагов, каждый из которых предельно прост — настолько, что эти шаги могла бы выполнять несложная машина.

То, что Дарвин назвал естественным отбором — это комплексный алгоритм, который произвел нас на свет, но этот алгоритм слепой, механистический и бессмысленный. По словам Деннета, “эволюция — это не процесс, который был предназначен для того, чтобы создать нас, но это не опровергает тот факт, что эволюция представляет из себя алгоритмический процесс, результатом которого мы являемся”³¹.

В одной из своих работ биолог-эволюционист Стивен Джей Гулд говорит о естественном отборе как об игре, причем об игре, которая имеет больше сходств не с теннисным турниром, исход которого

³¹ Daniel C. Dennett. *Darwin's dangerous idea: Evolution and the meanings of life.*

зависит от мастерства игроков, а с игрой на удачу³². Восприятие эволюции как игры на удачу радикально противоречит перспективе телеологического мышления, предполагающего наличие в природе разумного замысла.

Говоря, к примеру, о свершившейся игре в кости, мы не утверждаем, что вся игра была затеяна для того, чтобы статус ее победителя был подтвержден (хотя примитивный *common sense* может подсказывать нам, что победа была уготована ему судьбой или является результатом его добрых дел), мы закрепляем статус победителя за одним из игроков лишь ретроспективно — по результатам игры. Описанный первым ошибочный ход мысли — является продуктом телеологического мышления, которое противостоит мышлению эволюционистскому.

В наибольшей же степени эволюция походит на королевский крокет из «Алисы в Стране чудес», в котором правила непредсказуемо меняются. В условиях такой игры нет оснований полагать, что выиграет лучший, ведь заранее неизвестно, в чем именно он должен быть лучше и каким образом он должен проявить свое превосходство.

³² Stephen Jay Gould. *Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History*.

В другой своей работе Гулд объясняет, как работает эволюция, используя в качестве наглядного материала свои воспоминания о посещении базара переработанных продуктов в Найроби, столице Кении. В этом волшебном месте старые телефоны превращаются в украшения, распиленные пополам жестяные банки — в керосиновые лампы, верх стальной бочки — в огромную сковороду, а автомобильные шины — в прочные сандалии. Хотя из шин получают хорошие сандалии, никто не станет утверждать, что компании по производству шин полагают своей целью обеспечение обувью жителей третьих стран. Прочность сандалии является скрытым потенциалом автомобильных шин, производство таких сандалий скорее представляет из себя ”причудливый функциональный сдвиг”³³.

Эволюция работает как кенийский рынок. Организм может развиваться и эволюционировать, только если он по-новому использует те свойства, которыми он уже обладает. Организмы не имеют эквивалента денег для приобретения чего-то нового, они могут лишь реконструировать свои собственные “внутренности”. Способности нашего мозга — это

³³ Stephen Jay Gould. *Creating the Creators*.

тоже часть рынка потенциального мусора. К примеру, тот факт, что мы владеем языком — “побочный продукт” других наших способностей, более полезных для выживания.

Эволюция организмов в большей степени зависит от случайных событий и характеристик. Чтобы подчеркнуть это, Гулд ввел термин “экзаптация”, которым он заменил теологический термин “преадаптация”. Экзаптация указывает на принцип мультифункциональности и эволюции органов путем замены функций. Это процесс, посредством которого характеристики организма, эволюционировавшие для выполнения определенной функции, переориентируются для выполнения других функций. Перья птиц являются классическим примером экзаптации, изначально они выполняли функцию терморегуляции и лишь впоследствии были приспособлены для полета.

Философия Ницше — это внедрение идеи эволюции на уровне литературно-философской мысли. Он был таким же противником идей телеологичности, сверхприродных сил и разумного замысла в природе, как и Дарвин. Этим идеям Ницше противопоставлял понимание мироздания как игры: “О чистое и высо-

кое небо надо мной! В том для меня отныне чистота твоя, что вечного паука-разума и паутины его больше нет; что ты — помост, где танцуют божественные случайности. Что ты — стол богов, куда божественные игроки бросают игральные кости..."³⁴

Пространство игры в философии Ницше представлено как пространство метаморфоз. Ницшевский образ игры в определенной степени схож с образом свалки. Предтечей концепта экзаптации может считаться идея Ницше о невинности вещей. Устами Заратустры Ницше провозглашает, что лишил все вещи вмняемой им вины. Лишь после того, как вещь освобождена от вины, то есть навязанного ей смысла, она может обрести новый смысл. Таким образом, невинность открывает пространство генерации новых смыслов.

Лишение вещей вины может быть интерпретировано как символический акт выбрасывания их на помойку — места, где выброшенные вещи лишаются своего изначального смысла и поэтому становятся пригодными для дальнейшей переработки. Пространство свалки, таким образом, как и пространство игры — это сфера метаморфоз.

³⁴ Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого.

Сверхчеловек Ницше, который, по его мысли, станет следующим по отношению к человеку эволюционным шагом, будет представлять из себя не некий вид, обладающий улучшенными свойствами человека — не более продуманную версию человека, а более причудливое в сравнении с человеком существо.

Роль человека в эволюции языка

08 августа 2015

На уровне common sense существует ошибочное предположение, что язык представляет из себя стройную систему, созданную человеком и полностью ему подвластную. Это не так.

Еще Дарвин указал на сходство в развитии языков с эволюцией биологических организмов. Языки, как и биологические организмы — это продукты эволюции. Язык коэволюционировал с людьми: не только человек использует язык в своих интересах, но и язык использует человека в качестве своего биологического носителя. Постмодернисты правы в своем утверждении, что язык определяет человека, но они ошибались, считая, что язык находится в безоговорочной власти человека.

Если сменить перспективу рассмотрения языка с антропоцентричной на эволюционистскую, станет ясно, что смыслообразование слов — это не обязательно результат усилия воли человека. Хотя человек

действительно принимает участие в этом процессе, он при этом не является его инициатором.

Представитель современного неоматериализма Мануэль Де Ланда настаивает, что язык — это продукт истории, но не изобретение человека. Он формируется и развивается благодаря своему свойству комбинаторной производительности. Это производительность является не продуктом централизованного органа, задающего правила, а результатом децентрализованного процесса, в котором каждое сказанное слово локально ограничивает выбор говорящего. Иначе говоря, слово несет с собой информацию о “частоте его совместной встречаемости с другими словами”³⁵, то есть информацию о правилах того, какое слово может следовать за ним. Например, в английском языке “следующая за определенным артиклем позиция может быть занята лишь существительным”³⁶.

В своих размышлениях относительно самоформирования языка Мануэль Де Ланда опирается на работы лингвистов Зеллига Харриса и Джорджа Ципфа. Зеллиг Харрис разработал эволюционную модель социальной трансмиссии комбинаторных ограниче-

³⁵ Manuel de Landa, A Thousand Years of Non-linear History.

³⁶ Там же.

ний. Согласно этой модели, основным типом комбинаторных ограничений являются “вероятностные ограничения” — информация, которую несут в себе определенные слова о том, с какими словами они соединяются наиболее часто. Например, “такое слово, как ‘тигр’, несет в себе информацию, с какими другими словами оно, как правило, соединяется (например, с такими как ‘кровожадный’ или ‘охота’), но не с другими (‘вежливый’ или ‘танцы’)... Фраза ‘танцующие тигры’ действительно встречается в детских книгах, но по сравнению с общей практикой использования этих двух слов в живой речи такая комбинация встречается редко”³⁷.

В языке не существует некоей нормы, ограничивающей эти комбинации, скорее статистический факт, что эти слова встречаются в связке с определенными словами чаще, чем к другими. Джордж Ципф называют частоту совместной встречаемости слов степенью их кристаллизации³⁸.

Смысл слова — это не что-то, навязываемое слову извне языка, в соответствии с некоторыми внешними по отношению к нему правилами; уместнее утверждать, что он конституируется в самой матери-

³⁷ Там же.

³⁸ Zipf, George Kingsley. *The Psycho-biology of Language: An Introduction to Dynamic Philology*.

альности языка, так как определяется посредством набора других слов — то есть посредством их кристаллизации. Смысл слова не определяется на основании того, к какой вещи он отсылает, и не посредством акта именованя, а через связи с другими словами, следовательно, “смысл слов определяется их сочетаемостью, а не их идентичностью”³⁹.

Таким образом, язык формируется как кумулятивный результат ограничений в расположении слов относительно друг друга. Комбинаторные ограничения слов исполняют морфогенетическую функцию: “По мере того, как новые ограничения возникают из конвенционализации привычного употребления, изменяя вероятность появления тех или иных сочетаний слов, структура языка самоорганизуется как процесс, включающий последовательные отклонения от равновероятности (т.е. случайности) в комбинациях, образованных путем репликации норм”⁴⁰.

Современный философ Никита Елизаров объяснил рассматриваемый здесь принцип формирования смыслов слов, используя пример концепта сексуальности: “Человеческой сексуальности не существует вне смысла. Как только мы начинаем думать (о сек-

³⁹ Manuel de Landa, A Thousand Years of Non-linear History.

⁴⁰ Там же.

суальности, например), мы входим в область символического, в которой символ указывает не на какой-то объект физической реальности (в данном случае, практическое использование половых органов), как считал де Соссюр, *но на другие символы*. Множество указывающих друг на друга означающих составляет сеть, в которой дистрибуции наиболее соединенных между собой символов мы распознаем как концепты. Они имеют отношение к реальности, в свою очередь, но не являются лишь описаниями: модель не просто описывает что-то, но активно моделирует это, фильтруя и формируя свободный поток информации в осмысленную форму. Из этого следует, что один и тот же исходный материал может быть переработан в бесконечное множество форм, и столько же потенциальных смыслов. Практическое использование половых органов, например, не имеет никакого смысла само по себе, но различные концепты сексуальности могут назначить этой практике любой смысл⁴¹.

Процесс эволюции — это фундаментальный физический феномен, действующий вопреки более общей тенденции — энтропии. Развитие противостоит действию второго закона термодинамики, провозглашающего, что все самоорганизующиеся сложные структуры разрушаются с течением времени; если

⁴¹ Никита Елизаров, Дети, животные, секс.

система не является открытой системой, способной восполнять себя новым материалом, она обречена на исчезновение. Являясь аналогичным биологическому организму, язык также эволюционирует вопреки тенденции к энтропии. Подвергаясь действию энтропии, язык становится ригидным — в нем устанавливаются конвенциональные структуры, некоторыми из которых являются привычные сцепки слов и фраз (и связанные с ними привычные, кажущиеся неизблемыми смыслы слов). Параллельно с этой тенденцией существует и противоположная — эволюция языка. Она возможна благодаря тому, что язык остается в определенной степени пластичным, то есть открытым для преобразования.

Человек не руководит процессом эволюции языка, но он может приобщиться к этому процессу. Удивительно, но то, как может происходить это приобщение, наиболее удачно сформулировал постмодернистский философ Жан-Франсуа Лиотар. Он вменял человеку в обязанность формировать соединения из несоединимого⁴²; в контексте терминологии неопозитивизма можно перефразировать это утверждение, сказав, что для того, чтобы приобщиться к эволюции языка, необходимо обнаружить его пластичность, то

⁴² Jean-Franzois Lyotard, *The Differend: Phrases in Dispute*.

есть избавиться от веры в нерушимые значения слов, и использовать обнаруженную пластичность, формируя новые соединения слов и фраз — связывать то, относительно существует стойкий предрассудок несоединимости.

По Лиотару, это требует смелости. Еще бы, эволюция — только для смелых.

Что общего у фашистов и матери Терезы?

29 августа 2015

Человек состоит из привычек, некоторые привычки он способен вырабатывать сознательно, некоторые же приобретает неосознанно. В основании способности приобретения привычек — свойственная человеку неполноценность и пластичность его природы. Утверждения о сущностной ущербности человека и вытекающая из этого идея, что человек может быть усовершенствован, воспринимаются как таящие угрозу фашизма.

Такое понимание человека действительно лежало в основании теорий, ассоциирующихся с фашистской идеологией. Так, по словам Гелена — одного из мыслителей, симпатизирующих фашизму — человек “специализируется на отсутствии специализации”. Это значит, что человек является крайне изменчивым и хорошо адаптирующимся существом, ведь благодаря отсутствию специализации он способен спе-

циализироваться на чем угодно. Человек не обладает сущностью, которую он обречен реализовывать на протяжении своей жизни, он обладает лишь изменчивостью. Деятельность человека — это приобретение навыков, но человек заранее не знает, какие навыки он должен приобрести, он действует вслепую.

Как результат, человек может выработать даже самые отвратительные привычки. К примеру, Денис Драгунский описывает, как приобретали военные привычки немецкие летчики: “Сначала они натурально блевали от ужаса и отвращения к самим себе после бомбежек мирных кварталов. А потом успокаивались. Потом привыкали, втягивались, увлекались. А уж месяца через три, возвращаясь на аэродром после воздушного боя и заметив на земле телегу с крестьянином или ребенка, бредущего с котомкой, не отказывали себе в удовольствии снизиться и поохотиться. Этак из пулемета, на бреющем полете” (Денис Драгунский “Свирепость высшей пробы”).

Мы все еще тешим себя мыслью, что фашистский режим лишил человека естественно свойственной ему человечности, превратив в чудовище. Но человек не обладает естественной человечностью. Все добродетели, которые мы привычно ассоциируем с этим качеством — это комплекс выработанных привычек. Приобретение привычек возможно благодаря тому,

что у человека, изначально неполноценного, нет никакого превосходящего его предназначения, но при этом он обладает высокой степенью пластичности. Фашистские зверства — это результат актуализации того же свойства человека, что и в случае с матерью Терезой, выработавшей привычку омыwać ноги обездоленным. Помимо того, что сущностная изменчивость человека является причиной превращения его в чудовище, она также является условием становления всех возможных аспектов человеческой культуры.

Отрицая неполноценность человека и возможность его преобразования под предлогом того, что такое понимание человеческой природы лежало в основании фашистских идеологий и, соответственно, скрывает в себе угрозу фашизма, мы всего лишь уничтожаем заодно и все остальные варианты развития нашей культуры.

О пользе истории для жизни человека

20 сентября 2015

Удивительно, что многие образованные люди, изучавшие историю еще со школьной скамьи — то есть оповещенные о беспрестанной изменчивости мира — не способны распознать изменчивость окружающей их действительности. Я имею в виду тех, кто воспринимает конституирующие их повседневность концепты как неизменную данность. У таких людей вполне может найтись бескомпромиссный ответ на вопрос, что такое женщина или ребенок, а также настоятельные рекомендации относительно того, что женщинам и детям следует по этому поводу делать.

Человек-ответ совершенно не учитывает, что еще несколько столетий назад используемое им слово “женщина” имело совершенно иное значение. Тогда оно обозначало неполноценное по отношению к мужчине существо, которое никому и в голову не приходило наделять равными с женщиной правами. Значение слова “ребенок” претерпело не менее существенное преобразование. В XVI веке оно обозначало

занимательное существо, к которому относились приблизительно так же, как мы сегодня относимся к домашним питомцам, с единственным исключением — считалось нежелательным развивать к нему эмоциональную привязанность, потому что скорее всего оно вот-вот умрет.

Казалось бы, люди, осведомленные о том, что значение расхожих концептов меняется на протяжении истории, должны осознавать, что их преобразование неизбежно и в будущем. Тем не менее, многим удастся использовать их в качестве неизменных констант. Больше того, некоторые даже настаивают на их неизменности, аргументируя свою позицию традициями или естественностью.

Найдется бесконечное количество предлогов сохранить старое неизменным. Оно потому и существует, что его многократно обосновали и научились оправдывать. При этом в рамках укоренившегося привычного мировоззрения не существует ни одного разумного обоснования необходимости нового. Хрупкое, неизвестное и малопонятное, оно представляет из себя лишь незначительную угрозу для устоявшегося порядка. Скорее даже не угрозу, а неприятную мелочь на пути традиционного. Новое всегда спасается чудом, но из череды таких чудес и состоит история.

О неумении летать

27 сентября 2015

Как правило, человек готов проявлять активность только при условии, что существует надежда на бес-срочную остановку. Он хочет построить стабильные отношения, пытается найти постоянную работу, вырастить правильных детей, найти друзей на всю жизнь. Так проявляется его странная потребность во что бы то ни стало остановить время. Он непрестанно стремится к некой кульминации — точке, в которой его жизнь застынет. Этот принцип отображен в концепции счастливого конца в голливудских фильмах — фильм заканчивается на том моменте, который в наибольшей степени напоминает смерть. После него уже не произойдет никаких неожиданностей, в идеале не должно произойти вообще ничего — они жили счастливо всю жизнь (потому что умерли на следующий же день).

Именно этот идеалистический момент человек наиболее охотно воспринимает как повод быть жиз-

нерадостным. К счастью, у него не получается достичь этой идиллии: его отношения распадаются по причинам, которых он не мог предвидеть, дети не получаются правильными, постоянная работа давно стала чем-то из разряда мифов. Из-за неизменной неустроенности своей жизни люди вынуждены ее устраивать. Они не могут перестать быть процессом, жизнь вынуждает их им быть. Но они как-то излишне страдают из-за этого — у них все время сохраняется чувство, что что-то идет не так. Удивительно, но тот факт, что жизнь не позволяет им умереть, прежде чем наступит физическая смерть, они воспринимают как глубочайшее несчастье.

Человек умеет радоваться лишь спертому воздуху и его предвестникам, свежий воздух причиняет ему боль, он еще далек от того, чтобы распознавать в нем радость. Человек поэтому не умеет еще летать — долго отрываться от прочной основы. Он и прыгать толком не научился.

Повседневность как минимизация зла

22 октября 2015

В своих работах “Новые раненые” и “Онтология случайного: эссе о деструктивной пластичности” Катрин Малабу предлагает новое прочтение теории психоанализа, дополняя ее исследованиями в сфере нейробиологии. Ее реинтерпретация психоаналитической теории, в частности, понимание концепта травмы, — довольно пессимистично.

Малабу критикует Фрейда за то, что он не смог преодолеть соблазн усматривать во всем смысл. Он не способен признать безвозвратную деструктивность травматизации и невозможность некоторых внешних деструктивных событий консистентно встроиться во внутренние процессы психики. В рамках теории Фрейда существует только два варианта: либо травма интегрируется в уже существующий психический домен, либо, если удар слишком велик, он безвозвратно разрушает сознание, и тогда субъ-

ект, претерпевший этот удар, перестает быть объектом рассмотрения в психоанализе.

Новый материализм Малабу расширяет перспективу рассмотрения травмы, включая в анализ тех, чья психика была безвозвратно изменена. Так, Малабу ведет речь о деструктивной пластичности, примерами результатов действия которой являются посттравматическое стрессовое расстройство и болезнь Альцгеймера. Эти “новые раненые”, претерпевающие действие негативной пластичности, глубоко и бесповоротно изменяются. В результате случайности они становятся совершенно другими — их новая идентичность больше не связана с предыдущей и не является ее результатом, а лишь радикальным разрывом и потерей старой идентичности.

Малабу первой заговорила о негативной пластичности. Она сетует на то, что коннотации с термином пластичность, в каком бы из контекстов он не воспроизводился — образования, медицины или искусства — всегда позитивные. Пластичность понимается как равновесие между принятием и разрушением формы. Признается, что деструктивный аспект является непременным условием появления любой новой формы, но в рамках такого рассмотрения отсутствует возможность осознать его не как часть этого равновесия, а как решающий фактор.

Вопрос, который интересует меня в этом контексте: возможно ли расширить категорию негативной пластичности, при этом учитывая и не противореча теоретическим разработкам Малабу?

Перспектива Малабу — это перспектива отрицания того, что деструктивный аспект травмы всегда уравнивается конструктивным аспектом. Стремясь выйти за рамки генеалогии и телеологизма, Малабу утверждает, что сама по себе деконструкция продуктивна. Правда, ее действие всегда негативно, именно поэтому привычная реакция окружающих на личность, претерпевающую последствия действия негативной пластичности — это сочувствие.

То, что Малабу называет негативной пластичностью — во всех отношениях зло. И единственный адекватный способ отношения к ней — это, как утверждает Малабу, “минимизация зла”.

Попробуем для начала включить это понимание пластичности в анализ одной из тех сфер, которые Малабу критикует за бытующий в ней чрезмерно радужный взгляд — сферу образования. В соответствии с общепринятым мнением, обучение возможно как реализация баланса между деструктивностью и конструктивностью. Новые связки нейронов появляются

благодаря тому, что разрушаются старые (то, что называется синаптической потенциацией и депрессией). Но процесс обучения также можно понимать как процесс травматизации, то есть минимизации зла.

Любой по-настоящему новый опыт неизгладимо травмирует человека. Радикально новое понимание, которое человек сумел приобрести, может быть интерпретировано как неизгладимая травма, в результате которой он становится новым и разрывает связь с предыдущим собой. Такого человека тоже можно назвать неизлечимо раненым. Так, гениальные мыслители могут считаться глубоко травмированными людьми, ведь из-за свойственного им радикально отличного от обывательских взглядов мировоззрения они так же, как и больные с синдромом Альцгеймера, лишаются возможности адекватно встроиться в социальную ткань. Это рассуждение справедливо не только в отношении гения, но и любой личности, которая кардинально изменила свое мировоззрение, к примеру, отказалась от своей религии. В сообществе прежде близких ей людей она тоже вызывает сочувствие.

Путь такого человека — это также путь минимизации зла. Радикально новое знание и новый опыт — это почти невыносимый и мало совместимый с жизнью шок. Здесь речь идет скорее не об уравнивании

вании его с конструктивностью, а о борьбе за выживание в любой из возможных форм.

Понимание травмы как первичной и не уравновешиваемой конструктивностью справедливо не только в отношении образования, но и многих других социальных феноменов, примером которых является материнство. Появление ребенка может быть рассмотрено как неизгладимая травма, следствием действия которой является появление совершенно новой идентичности женщины в роли матери. Эта новая идентичность — результат радикального разрыва со старой идентичностью. Травма материнства появляется в результате приобретения опыта, к которому невозможно подготовиться заранее, а не как следствие продуктивного накопления опыта.

Обнаруженная Малабу негативная пластичность действует повсеместно. Болезнь Альцгеймера — это лишь предельно негативная форма демонстрации того, как мы способны претерпевать этот вид пластичности, наименее удачная из форм минимизации зла.

А что это вы улыбаетесь?

27 октября 2015

В европейском философском дискурсе в последнее время стало модно изобличать новый вид репрессий, заключающийся в том, что в соответствии с капиталистической идеологией счастье провозглашается стандартом. Человеку, мол, не разрешается унывать, он сам ответственен за свое эмоциональное состояние, поэтому ему вменяется в обязанность радоваться жизни.

Но можно ведь утверждать, что существует и обратная форма притеснения. Если жизненные обстоятельства индивида напоминают те ситуации, в которых принято жаловаться, к нему также будет предъявлено требование проявлять недовольство. В таких условиях от него ожидается, что он откажется от ответственности за собственную жизнь и станет обвинять во всем превосходящие его силы.

Если у человека финансовые трудности — ему полагается винить в своих проблемах капитализм,

если он иммигрант — он должен жаловаться на законы и порядки принявшего его государства, одинокой матери полагается жаловаться сразу на весь мир, проститутке — в принципе непозволительно быть довольной своей жизнью.

Те, кому в сложной жизненной ситуации хватило сил никого ни в чем не винить и оставаться при этом жизнерадостными, превращаются в общественных врагов. Как в школе, когда тебе нельзя признаваться в том, что ты выучил урок, если остальные его не осилили, и вообще нельзя учиться слишком хорошо, потому что от других тоже станут требовать большей успеваемости.

Способность любоваться миром и жизнерадостность становятся непростительными преступлениями. Революция, как известно, невозможна без преступлений, зато точно возможна без нытья.

Все о том же

01 ноября 2015

Нацеленность человека на инертность особенно отчетливо проявляется в том, *что именно* им учитывается при принятии жизненно важных решений.

К примеру, размышляя над тем, стоит ли ему завести ребенка, он в первую очередь принимает во внимание, комфортно ли ему будет, если его жизненные обстоятельства изменятся таким образом. Примерами веских доводов в пользу решения завести ребенка являются возможность отдохнуть от надоевшей работы, получить декретные или привязать к себе мужа. Распространен также более романтичный вариант — подарить жизнь, но он обычно либо служит прикрытием для вышеперечисленных причин, либо дополняется ими.

По сравнению с потребностью в комфорте потребность в познании, как правило, всегда оказывается на втором плане. Практически никто не решается завести ребенка с целью получить возможность

исследовать некую новую часть реальности, узнать, каково это — быть в роли родителя. Другой социальный опыт — иммиграция, также, как правило, обусловлен стремлением к комфорту. Несмотря на то, что новый опыт — неминуемый результат переезда в новую страну, он чаще воспринимается не как цель, а как малоприятное последствие. Даже образование, то есть, казалось бы, нечто непосредственно связанное с познанием, умудряются встраивать в общую модель обеспечения комфортной жизни. Только исходя из такого представления об образовании студенты могут потребовать от преподавателя не предлагать им точку зрения, которая противоречит их собственным взглядам.

Человек никогда не планирует потерять себя или измениться до неузнаваемости, он по какой-то странной причине планирует себя во что бы то ни стало сохранить.

Любовь как способ познания

08 ноября 2015

Принято считать, что влюбленные идеализируют того, в кого влюблены. Я же полагаю, что влюбленность следует ассоциировать не с идеализацией объекта любви, а с возможностью его познания.

Тот, кто любим, становится предметом исключительного интереса любящего. Он готов посвящать ему все свое время и хочет узнать о нем как можно больше. К тому же близкие отношения между людьми чаще всего завязываются в результате влюбленности, а что же представляют из себя близкие отношения, как не благоприятную среду, в которой они могут лучше узнать друг друга?

Влюбленность всегда апеллирует к вечности. Даже если она длится всего один день, этот день наполнен для влюбленного желанием всегда быть рядом с тем, в кого он влюблен. Так работает любое познание. Оно требует концентрации внимания на объекте своего изучения и при этом не является однократ-

ным актом, напротив, познание — это процесс, не предполагающий завершения. Не существует философии, истории, математики, человека, которые можно всецело познать и перейти таким образом в состояние обладания исчерпывающим знанием о них. Познание неисчерпаемо, поэтому осуществляется с расчетом на вечность.

Когда человек влюблен, он с готовностью принимает любые новые сведения о любимом. Именно этот аспект влюбленности был гиперболизирован в фильме “Крупная рыба”, главный герой которого согласился на рабский труд в обмен на то, чтобы узнать подробности о своей любимой. Он остался более чем доволен тем, что в результате года труда узнал, какие цветы любит его избранница.

Хотя мысль о том, что любят всегда за что-то, стала довольно привычной, в ней можно смело усомниться. Действительно, человек способен перечислить, что именно он находит привлекательным в объекте своей любви. Возможно даже, этим перечнем он и аргументирует свое чувство влюбленности, но все же обоснованнее утверждать, что достоинства объекта любви появляются только ретроактивно. Это значит, что вначале появляется чувство любви, и лишь впоследствии обнаруживаются ее причины, то

есть те достоинства, с которыми любящий связывает свою влюбленность.

Если бы причиной появления влюбленности было наличие у объекта любви определенных достоинств, импонирующих любящему, он бы не принимал с готовностью любую новую информацию о любимом или, по крайней мере, она каким-то образом влияла бы на его чувство. Способность разглядеть достоинства объекта любви появляется только в результате наличия влюбленности. Другими словами, благодаря чувству любви тот, кто любит, становится настолько открыт объекту своей любви, что оказывается в состоянии рассмотреть его достоинства.

Таким образом, человек скорее любит пустоту, а не определенное содержимое. Влюбленность свидетельствует о предельной открытости и о готовности познавать. Можно также утверждать, что любовь является специфической формой познания, ведь для познания необходимо задействовать тот же механизм. Процесс познания начинается с открытости и доверия. Познающий не знает, что именно получит в результате освоения некой новой для него области, иначе этот процесс невозможно было бы назвать познанием. Познающий узнает что-то новое для себя, он не может предварительно оценить, стоит ли ему

приобретать определенные знания, он лишь может открыться этим знаниям.

Познание, как и любовь, — это смелый шаг в неизвестность.

О котиках и собачках

22 ноября 2015

Любители котов, как правило, предпочитают их собакам по той причине, что коты кажутся им более гордыми и высокомерными существами, не унижающимися перед человеком. В собаках же есть что-то неприятное, их тяга к послушанию и унижительная преданность способны вызвать отвращение.

Рассуждая таким образом, не принимают в расчет, что способность собак покоряться человеку — это обратная сторона их высокоразвитой способности к обучению, свидетельствующей о высоких когнитивных качествах. Неприручаемость котов говорит не о том, что они слишком умны для того, чтобы поддаваться влиянию, а наоборот, о том, что они недостаточно умны, чтобы их можно было чему-то научить.

Человек действительно вынужден подстраиваться под кота, но не потому что кот избрал такую хитрую стратегию поведения в отношении человека, а

потому что его когнитивных способностей недостаточно для того, чтобы активно участвовать в формировании более сложных форм сосуществования с человеком.

Эта логика применима не только в отношении котов и собак. Способность подвергаться влиянию, свойственная человеку, не обязательно является признаком скудности его ума, она также может быть и манифестацией развитого мышления. По большому счету, познание невозможно без подчинения (как минимум в форме доверия) источнику знаний.

Это очень неудобная мысль, потому что сегодня закрепилась стойкая ассоциация развитого мышления с самостоятельностью и непокорностью. Но если вдуматься, разве мышление может быть самостоятельным? Оно скорее нечто противоположное самостоятельности, ведь для того, чтобы мыслить, нужно быть вовлеченным в канву межчеловеческих отношений, нацеленных на познание, а тот, кто мыслит самостоятельно, изолирован от этой сети.

Мышление фанатично верующего человека самостоятельно по отношению к тем, кто не принадлежит его вере. Он отказывается подвергаться влиянию тех мнений, которые имеют силу заставить его усомниться в вере. Скорее всего, такой человек полагает, что мыслит самостоятельно, ведь он разобрался в

истинном положении дел и прислушиваться к иным мнениям ему ни к чему.

Совершенно противоположная ситуация с учеными. Самостоятельное мышление несовместимо с наукой. Ученый всегда должен быть готов к тому, что его выводы будут опровергнуты, и от того, примет ли он это опровержение, зависит, не перестанет ли он быть ученым. Так, когда готовился к публикации второй том фундаментальной работы Фреге, написанию которого он посвятил много лет, он получил письмо от Рассела с известием, что им был обнаружен парадокс, показывавший, что аксиомы, использованные Фреге для формализации его логики, несовместимы. Фреге пришлось смириться с опровержением его разработок, что не помешало ему продолжить работу (это не значит, что у него не было депрессии).

Выдающиеся мыслители не обладают самостоятельным мышлением, наоборот, их мышление пластично, то есть открыто влиянию и за счет этого способно к непрерывному преобразованию. Блистательные умы таковы потому, что они еще хуже собак.

Не выпьем, родная

28 ноября 2015

В голове никогда не укладывалось, почему Ницше считается предтечей экзистенциальной философии. Только подростковый ум представителей экзистенциализма мог вытянуть из Ницше страдальчество и тошноту.

Мне не известен мыслитель, возвеличивавший счастье больше, чем Ницше. Экзистенциализм в его наиболее ноющей форме появился как реакция на разоблачение бессмысленности существования и отсутствия окончательных истин. Поначалу это знание было травматичным, оно разрушало привычные способы постижения реальности, навязывающие ей конечные объяснения и раз и навсегда установленные смыслы.

Пессимистичное настроение экзистенциалистов выражено в утверждении Маргарет Дюрас: “Алкоголь — средство, помогающее выносить пустоту Вселенной, перемещения планет, их ротацию в невозмутим-

мом пространстве, их молчаливое безразличие к вашей боли”.

Человечество постепенно привыкло к существованию в условиях разоблаченной бессмысленности, оно выработало новые красивые формы осмысления лишенной смыслов реальности; современная научная мысль, не нацеленная на окончательное объяснение реальности, не появились бы, если бы ей не предшествовало это разоблачение.

Ницше первым научился радоваться бессмысленности. Его радость — это ликование избавления от смыслов, возможности разбить старые скрижали и творить новые. Пустота — не повод для алкоголизма. По Ницше, она сама по себе — неиссякаемый источник опьяняющей радости.

О ностальгии по детству

06 декабря 2015

Мне непонятна ностальгия по детству и юности, как и восхищение бесхитростной мудростью и душевной чистотой ребенка.

Ребенок способен понять только наиболее общее и универсальное. Чтобы запомнить что-то, он упрощает и универсализирует даже то, что и так предельно просто. Истины common sense являются единственным материалом, который способен усвоить мозг ребенка. С их усвоения начинали и Планк, и Делез, но слишком многие на этом остановились, так и не достигнув уровня абстрактного критического мышления. Вероятно, поэтому те взрослые, мышление которых осталось минимальным набором обобщений, считают, что устами младенца глаголет истина.

В отношении мышления ребенок ценен скорее своей неспособностью что-то понять. Именно эта детская черта — сохранение чувства того, что нечто не понято до конца, насколько бы хорошо оно при этом ни было исследовано, характеризует и зрелый

ум. Ребенок, который уже приобрел понимание — ничем не лучше взрослого, уверенного в том, что он понял все настолько хорошо, что последующее познание будет излишним.

Ребенку свойственна не только простота в мышлении, но и в отношении к другим. Удивительно, что простота общепринято ассоциируется с чуткостью и способностью сопереживать. Но ведь, наоборот, для того, чтобы понять другого, нужно самому быть в достаточной степени сложным. Способность зрелого человека понимать других обусловлена тем, что он, пережив многое, приобрел опыт, который может теперь экстраполировать на других. У ребенка такого опыта еще нет, поэтому, увидев, как плачет взрослый, он скорее предположит, что его лишили конфет, чем увидит причину в том, что его задело словом.

Не меньше меня удивляет, что детство считается периодом, когда человек еще не утратил способность искренне радоваться. Радость зрелой личности — это всегда радость на общем фоне боли. Ни за что не поверю, что существует человек, умудрившийся дожить до зрелости и не наживший при этом поводов для грусти. Возможно, детство действительно ценно свойственной этому периоду способностью искренне переживать радость, но ценность радости безусловно гораздо выше, если она зрелая.

О любви платонической и настоящей

12 декабря 2015

Платон, как обычно, все испортил, провозгласив, что существует два типа любви — плотская и возвышенная. Сегодня все еще не подвергается сомнению оправданность такого разграничения. Помимо того, что само оно нелепо, еще более нелепым является то, что возвышенная любовь ценится выше.

В сегодняшнем обществе все еще принято осуждать плотскую любовь, клеймя ее как любовь низшего сорта в сравнении с платонической. В соответствии с общепринятым стереотипом, физическое влечение представляет из себя позыв, который необходимо сублимировать в более возвышенные устремления — общественная мораль требует видеть в другом душу, а не тело.

Но действительно ли так низка физическая близость? Даже на уровне common sense это суждение содержит в себе противоречие: в представлении тех, кто считает физическое влечение низким, образцом

наивысшей любви является любовь матери к ребенку. Загвоздка здесь в том, что материнская любовь — наиболее плотская. Ребенка невозможно любить платонически — с ним нельзя беседовать на интеллектуальные темы и восхищаться его высоконравственными качествами. Мать любит в первую очередь тело ребенка — его несуразные движения, запах, улыбку. Линия, разделяющая сексуальную близость и близость в отношениях между матерью и ребенком, довольно условна. Чувство физического удовольствия, которое испытывает женщина во время кормления грудью, физиологически аналогично удовольствию, которое она испытывает во время сексуального акта.

С предрассудком о низости плоской любви связан и другой стереотип — что физическая привязанность менее прочна, чем платоническая связь. Этот стереотип можно опровергнуть, еще раз приведя в пример отношения матери и ребенка. Мать любит безусловно, ведь она не может выбрать ребенка, предварительно оценив, подходят ли они друг другу. Именно такой, противоположный платоническому, предельно плотский тип любви — наиболее прочный. Основываясь на физической любви, отношения матери и ребенка обладают высоким уровнем пластичности. В этих отношениях и мать и ребенок — незавершённые существа, они меняются, подстраиваются друг под

друга, учатся сосуществовать. Возвышенная же любовь — это связь завершенных существ, которые любят друг друга за наличие определенных качеств. Преобразование одной из сторон этого союза опасно для такого типа любви — если ее объект изменится, любовь исчезнет.

Возможно, не такая уж и плохая идея — начинать с секса, а не с оценки высоких душевных качеств?

О невоздержанной любвеобильности матери Терезы

19 декабря 2015

Являясь порождением христианского ума, стремление к гуманности глубоко укоренилось в нашей культуре. Нередко оно даже рассматривается как основание западной цивилизации. Это крайне сомнительное утверждение. Одна из проблем здесь в том, что гуманность — это категория, которая измеряется количеством, а не качеством, что дискредитирует ее значимость. Христианские святые считались такими, потому что обладали способностью вместить всех в свое сердце. Непонятно, чем ценно такое умение, любовь ко всем — это до абсурда абстрактный феномен.

Кроме того, что мать Тереза перемыла ноги большому количеству неизлечимо больных, она также проявила и обратную сторону своего человеколюбия, порицая аборт и провозглашая их главным мировым источником насилия. По ее словам, “аборт-

ты — основная причина уничтожения мира в сегодняшнем мире. Если мать может убить своего собственного ребенка, что же может тогда удержать вас и меня от убийства друг друга?” На первый взгляд, эта фраза кажется свидетельством гуманности матери Терезы, защищающей нерожденных детей. Но есть и другой, менее бросающийся в глаза аспект этого утверждения — осуждение и оправдание ненависти к женщинам, которые совершают аборты.

Эта позиция также отражает общий принцип работы христианской любви. Она провозглашает приоритетность жизни нерожденного ребенка по отношению к жизни матери, которую его рождение может разрушить. Женщина в такой доктрине — репродуктивный аппарат, в обязанность которому вменяется исправное выполнение функции производства детей. Не удивительно, что мать Тереза также осуждала феминизм, призывая женщин посвящать свои жизни семье.

Ницше осуждал христианство, называя его религией сострадания. Он считал сострадание нелепым сочетанием тщеславия и самопрезрения, указывая на “неловкое лукавство”, которое проявляет большинство сострадающих: в их сострадании скрыто презрение, так как благодетель получает удовольствие собственного возвеличивания за счет унижения объ-

екта своей любви. Еще один важный вывод Ницше заключается в том, что причиной сострадания является желание обладать. Мать Тереза — не исключение. Как известно, она имела обыкновение называть страдающих “мои люди”. Интересно, на каком основании они становились ее людьми? Значит, Ницше был прав, чувство сострадания и интенция помочь на символическом уровне превращает человека в собственность страдающего.

Мать Тереза призывала матерей, которые хотят отказаться от своих детей, отдать их ей, провозглашая, что она-то “не отвергнет ни одного ребенка”. Здесь становится понятна логика запрета аборт, построенная на количественно измеряемой любви: чем больше появится на свет нежеланных детей, тем больше мать Тереза получит пригодного материала для любовного обладания.

Жижек прав, считая, что настоящая любовь — это скорее зло, чем добро, ведь она не может быть всеобъемлющей. По собственному утверждению, он всегда питал отвращение к выражению “я люблю весь мир”. В действительности, любовь — нечто противоположное этому, она является “чрезвычайно жестоким актом”, так как предполагает избирательность. Любить — значит избрать объект любви и любить его больше всего остального в мире.

Интенсивный тренинг “Как быть хорошей женой”

09 января 2016

Все еще довольно распространено предубеждение, что успешного мужа создает жена. В традиционном сознании образ идеальной жены ассоциируется с образом невидимой силы, тайно направляющей мужчину на путь успеха. Такое понимание выражено в распространенной поговорке: муж — голова, а жена — шея. Манипулируя мужем, мудрая жена непременно должна прибегать к уловке — внушать ему, что все решения он принимает самостоятельно. По-моему, довольно хитрый маневр для того, чтобы оправдать бессмысленность своего существования. Мастерству владения им заботливые мамы учат своих дочерей, а распространенные сейчас тренинги совершенствуют этот навык.

Я не совсем понимаю, что в рамках традиционного сознания считается успехом, но, судя по примерам из истории, те, кто представлял собой хоть какую-то

ценность для человечества, стали такими не благодаря своим женам, а скорее вопреки им.

Ксантиппа, жена Сократа, запечатлена в истории как антипод философа. Она прославилась своим сварливым нравом, ее манера общения была совершенной противоположностью размеренным философским беседам. Сократ с трудом выносил компанию своей жены. На вопрос “Разве она когда причинила тебе какую-нибудь боль — укусила тебя или лягнула, вроде того, как это многим случается испытывать от животных?” Сократ ответил: “Нет, но, клянусь Зевсом, она говорит такие вещи, что готов всю жизнь отдать, только бы этого не слышать”.

Жена Дарвина до конца жизни оставалась ортодоксальной англиканкой. Еще до свадьбы он решил поделиться с ней своими мыслями о том, что формы органического мира происходят от простейших форм, в ответ на что она предложила Дарвину прочесть Евангелие от Иоанна. Эмма Дарвин неустанно предостерегала мужа, что его идеи греховны, и отзывалась о разнице в их мировоззрениях как о “болезненной пропасти”. Возможно, из-за жены Дарвин, осознающий, что его идеи предполагают материализм, не решился провозгласить, что теория эволюции не оставляет места сказкам о божестве.

В похожей ситуации оказался и Стивен Хокинг, первая жена которого была праведной христианкой. Ее пугала уверенность мужа в том, что Вселенная не нуждается в творце. Именно разногласия в вопросах веры, по словам Джейн Хокинг, стали главной причиной их развода. Их брак длился 20 лет, на протяжении всего этого времени Хокинг нуждался в уходе. Интересно, кого именно ценила Джейн Хокинг в своем муже, учитывая, что его гениальные идеи казались ей неприемлемыми? Возможно, ей импонировала ее роль христианской мученицы, посвятившей свою жизнь уходу за инвалидом.

Некоторые биографы Фрейда связывают его отстранение от научной деятельности с влюбленностью в свою будущую жену. Доход ученого в то время не позволял содержать семью, поэтому Фрейду пришлось отказаться от своих, передовых на то время, научных исследований и перейти к псевдонаучным, которые стали причиной появления теории психоанализа. В возрасте пятидесяти лет Фрейд отказался от сексуальных отношений с женой, опасаясь появления очередного ребенка. Впоследствии Фрейд отзывался о своей жизни как о лишенной каких-либо удовольствий, тогда как о годах, когда он был ученым, он вспоминал как о самом счастливом периоде ученичества.

Разумнее всех поступил Кант, предпочевший женьшень мастурбацию.

Исторические примеры подтверждают, что быть хорошей женой можно только самоуничтожившись, как минимум в роли жены. Если бы я вела тренинг “Как быть хорошей женой”, возможными темами занятий были “Способы самоутопления в борще” и “Как эффективно убить себя сковородкой”.

Матери-убийцы

23 января 2016

Вопрос абортов занимает чуть ли не центральное место в полемике христианского мировоззрения с более прогрессивными его видами. В соответствии с христианской доксой, женщины должны задуматься перед тем, как совершить аборт, ведь даже если они и смогут забыть о своем грехе, душа убитого ребенка никогда не оставит их в покое. Существует также альтернативная версия: душа убитого ребенка попадет в ад и там будет ждать встречи с душой убившей его матери.

На мой взгляд, судя по о распространенности таких взглядов, мы уже в аду. Но ничто не мешает предпринять попытку выбраться из него, захватив с собой по-возможности нескольких его состроителей. Религиозные толкования плохо уживаются со знанием физиологических процессов. Поэтому в нашей попытке выбраться из ада сосредоточимся на описании их.

Половина беременностей заканчиваются самопроизвольным абортом. Большинство из них происходит на одноклеточной стадии развития эмбриона, то есть еще до того, как женщина узнает, что она беременна. Как правило, клинические признаки самопроизвольного аборта женщины принимают за обильные месячные. Самая распространенная причина самопроизвольного аборта — наличие у эмбриона генетических аномалий. Организм матери, таким образом, производит естественный отбор — убивает нежизнеспособное потомство. Эмбрионы с генетическими аномалиями отторгаются организмом матери с вероятностью 95%.

Наиболее последовательный выход для женщины, которая учитывает эти сведения, но при этом не желает отказаться от религиозной интерпретации — незамедлительно покончить с собой за неискупимый грех детоубийства. Но можно также заняться чем-то более совместимым с мыслительным процессом, например, отогнать от себя сонмы душ умерщвленных детей и весело провести отведенное до горения в аду время.

Идите вешайтесь

25 марта 2016

Желающих прибегнуть к психоаналитической терапии сразу предупреждают, что затея эта долгосрочная и нескольких сеансов никогда не бывает достаточно. Нередко этот вид терапии длится дольше, чем длился бы естественный процесс восстановления после психологических травм.

Психоаналитическая методика давно дискредитирована в среде научной психологии. Несмотря на высокую стоимость психоаналитических сеансов и их невысокую эффективность, они неизменно пользуются высоким спросом. Эта странность объяснима.

В первую очередь, психоаналитик — это тот, кто слушает пациента, причем не просто слушает, но внимателен к тем мелочам, которым сам пациент не придавал значения. Психоаналитик никогда не скажет пациенту, что его проблемы малозначимы и ему стоило бы перестать обращать на них внимание и

заняться чем-то более полезным, ведь от наличия таких проблем зависит его заработок.

Помимо этого в психоаналитических сеансах есть что-то рессентиментальное, а рессентимент, как утверждал Ницше, наиболее легко возбуждаемое в человеке чувство. Сеанс психотерапии заключается в том, что пациент занимает позицию жертвы — он осознает себя заложником нанесенных ему в прошлом травм, к примеру, психоаналитик может предположить, что у пациента обсессивный невроз вследствие того, что его родители нанесли ему в детстве травму, используя неправильную систему приучения к горшку. Психоаналитик помогает пациенту увидеть факт травмированности (и, соответственно, осознать себя жертвой нанесенной травмы) даже в тех событиях, которые до этого сам пациент считал совершенно безобидными.

У пациента создается иллюзия, что копошение в травмах прошлого способно решить его проблемы, то есть сделать возможным его будущее, но в действительности прошлое только больше затягивает в себя, позволяя и психоаналитическим сеансам затянуться на годы.

Больше того, в процессе терапии психоаналитик приучает пациента к рессентиментальному мировоззрению, так как пациент, наследуя пример психоана-

литика, учиться самостоятельно прибегать к психоаналитическим интерпретациям, находя объяснение своих проблем в нанесенных ему травмах. Эта методика всегда срабатывает, ведь психологическая травма — это не реальное событие, а способ отношения к определенным событиям, которое при желании может быть актуализировано в отношении всего, что угодно. Обучая пациента такому паттерну поведения, психоаналитик не просто ингибирует некоторые восстановительные системы психики пациента, которые, к слову, бесплатны, но и рискует создать дополнительные проблемы.

В низкой эффективности психоаналитической терапии я убедилась на собственном опыте, пытаясь с ее помощью избавиться от довольно серьезной формы депрессии. Параллельно с сеансами психоанализа и в унисон с ними меня поддерживала моя мама, несколько месяцев выслушивая мои исповеди сожаления к себе. Поначалу мама радовалась возможности побыть мне нужной, но даже она не выдержала и заявила, что раз мне так невыносимо жить и моя жизненная ситуация действительно безвыходна — мне совершенно нечего терять, и решившись на самоубийство, я, по крайней мере, избавлю окружающих от своего нытья.

Очень скоро от депрессии не осталось и следа. Не исключено, что если бы я по собственному желанию не прекратила психоаналитические сеансы, мой психоаналитик до сих пор зарабатывал бы на мне, находя новые источники моих травм.

Я не утверждаю, что моя мама изобрела новый метод избавления от депрессий, который мог бы конкурировать по эффективности с методами научной психологии, но, по крайней мере, мне стала понятна причина, почему, когда немецкие войска бомбили Лондон во время Второй мировой войны, в городе резко уменьшилось количество невротических больных и страдающих психосоматическими расстройствами (1). Посттравматический стресс не является безусловно пагубным состоянием, стресс также призван исполнять адаптивную функцию, то есть увеличивать приспособляемость к изменениям среды. Мысли о возможной смерти — наиболее надежный источник стресса.

Так что идите теперь вешайтесь.

Нужно ли избавляться от травм?

02 апреля 2016

В своей предыдущей заметке я не затронула вопрос, от которого предпочитают уклоняться теоретики практического психоанализа. Вопрос заключается в следующем: всегда ли травма является тем, от чего необходимо избавляться? Причина уклонения в том, что психоанализ обосновывает свое существование безоговорочно утвердительным ответом на этот вопрос.

Уже Фуко в своей книге “Рождение клиники” указал, что концепты болезни и терапии — это изменчивые социальные конструкты. Другими словами, то, что мы называем болезнью — это не столько объективный феномен, сколько способ его интерпретации. По этой причине определенное состояние организма человека, которое в рамках некой мировоззренческой парадигмы считается нуждающимся в терапии отклонением, в рамках другой парадигмы может уже не считаться таковым.

Разработке терапевтической методики логически предшествует представление о том, как должен функционировать организм человека в нормальном (здоровом) состоянии. Именно к этому состоянию нормальности терапия и призвана приблизить пациента.

Разработка новых методов терапии и совершенствование уже существующих — основной предмет заботы таких исследовательских сфер как психоанализ, психология и психиатрия. Но само теоретическое основание этих разработок (представление о нормальном состоянии, которое должно стать результатом успешной терапии) редко становится предметом критического рассмотрения. К примеру, существует множество научных работ, указывающих на общность тех, кого считают гениями, с пациентами психиатрических клиник, но условность такой дифференциации, как правило, остается на уровне неартикулированной интуиции.

Другой пример здесь — Ницше. Его сумасшествие принято считать спонтанно наступившим событием, хотя, как подмечает Делез, у нас нет оснований говорить о двух Ницше: до периода сумасшествия и после был лишь один Ницше, философские работы которого существуют в одном континууме с развивающимся у него сумасшествием.

В психоанализе травма обычно рассматривается как неассимилированный опыт, не подлежащий психологической переработке. Психоаналитик призван помочь пациенту подвергнуть травматический опыт психологической переработке, чтобы нивелировать действие травмы.

Возвратимся теперь к вопросу: всегда ли нужно избавляться от травм? Я готова поспорить, что не существует ни одного толкового писателя, не имеющего в арсенале своего жизненного опыта неизлечимой психической травмы. Избавить такого писателя от действия его травматического опыта — значит убить в нем писателя. Это касается не только писателей, но и всех остальных.

Травма может рассматриваться как неизбежное последствие приобретения нового опыта, ведь новый опыт, по определению, отличен от старого, а значит, не может всецело ассимилироваться с ним в непротиворечивое целое. Формирование личности обусловлено приобретением нового опыта. Личность — это коллекция шрамов, оставшихся от травм, нанесенных жизнью. Нужно быть совершенно лишенным вкуса к людям, чтобы пытаться превратить их в бесформенную аморфную массу — излечившихся от травм пациентов психоаналитических кабинетов.

О позитивной психологии и опустошении

21 мая 2016

В своей подавляющей части современное общество руководимо позитивной психологией, пропагандирующей идеал успешной и счастливой личности.

Травматический опыт противоречит этому идеалу, поэтому современный человек считает, что он должен избегать любых травм: делать исключительно то, что ему нравится; поддерживать отношения только с теми, кто его не травмирует; мечтать о прекрасном и воплощать свои мечты. Позитивная психология признает пользу трудностей, к примеру, возникающих на пути к исполнению мечты, но она не видит ценности психологических травм и невыносимого опыта. Эти феномены противоположны успешности, поэтому для позитивной психологии они лишь повод для терапевтического вмешательства.

Счастье, пропагандируемое позитивной психологией, — это счастье подчиненного человека. Двигаясь на пути к успеху, он уже обладает какой-то его долей и боится утратить то, что у него есть. Каждый его последующий шаг должен быть нацелен если не на продвижение вперед, то по крайней мере на сохранение того, чем он обладает.

Такой человек лишен того единственного, что может принадлежать лишь ему и никому больше, то есть сделать его по-настоящему независимым, — он лишен опустошения. Опустошенному человеку нечего терять, поэтому он бесстрашен и неподконтролен. Им нельзя управлять, пригрозив что-то у него отнять, ему нельзя сделать хуже, потому что ему либо уже не может быть хуже, либо чем хуже, тем лучше.

Опустошенность не отменяет счастья, наоборот, человек, стремящийся к опустошению, способен испытывать счастье острее других. Такому человеку известна радость разрушения. Поп-психология и психоанализ считают эту форму счастья маниакальной. К примеру, Мелани Кляйн, руководствуясь предубеждениями, рассуждает о маниакальном счастье как о неполноценном.

Диаметрально противоположный успешному человеку — человек, покончивший с собой. Поэтому общество, руководимое позитивной психологией, так

озабоченно предупреждением суицидов. Настолько, что в эру провозглашения наивысшей ценностью свободы информации считает материал о самоубийстве более существенным поводом для цензуры, чем материалы сексуального характера.

Возможность самоуничтожения — это предельная форма манифестации свободы. Если человеку не разрешено убивать себя — он владеет собой только частично, пока не захочет себя убить. Если же он выразил желание предельного опустошения, он перестает себе принадлежать и становится предметом распоряжения психбольницы и социальных служб.

Изгоем в обществе, руководимом позитивной психологией, стать очень легко, нужно лишь благосклонно относиться к самоубийствам и призывать к опустошению.

Интересно также проанализировать, кому может быть выгодна пропаганда “полноценной” формы счастья и ввод ограничений на опустошительные практики. Чтобы выяснить это, предлагаю провести эксперимент: попробовать предложить человеку, которому нечего терять, приобрести новую зубную пасту с эффектом микронного очищения с ионами серебра. По моему предположению, единственное, что его заинтересует в ней, это возможность засунуть ее в задницу производителю.

Близость как травма

03 июня 2016

Мама мальчика с серьезными генетическими отклонениями поделилась своей историей. Узнав, что ее сын не сможет говорить и никогда не станет самостоятельным, она стала вести изолированный образ жизни, избегая других родителей и не позволяя сыну общаться с одноклассниками. Ей было невыносимо слушать истории родителей об успехах их детей и видеть своего ребенка рядом с «нормальными» детьми, одним из которых он никогда не станет. К тому же ей казалось, что ее сын не сможет социализироваться и всегда будет изгоем. Справившись с шоковым состоянием в уединении, она все же решила попробовать вести более социальный образ жизни. Сейчас она рада такому решению, потому что у ее сына появились друзья. Не сдерживая слез, она рассказывает, что его лучший друг — мальчик без генетических отклонений — предлагает ее сыну дергать его за волосы и делает вид, что ему это нравится, ведь его лучшего

друга это веселит. Однажды она увидела, как друг ее сына, думая, что находится с ним наедине, взял салфетку и вытер слюну с его лица, вспомнив, что так обычно делает его мама.

Я уверена, что интуитивно пример такой дружбы ассоциируется с эпитетом «настоящая». Странно, что когда речь заходит об отношениях двух людей без генетических отклонений, эта интуиция не срабатывает. Позитивная психология в качестве идеала отношений пропагандирует общение самодостаточных личностей, не причиняющее им дискомфорта. Проблема только в том, что самодостаточная личность — это миф. Даже при условии отсутствия генетических отклонений любой человек представляет из себя набор всевозможных других типов отклонений. К примеру, не обладает ли явными странностями мальчик, выбравший себе в качестве лучшего друга кого-то, кому нужно вытирать с лица слюну? Поскольку самодостаточная личность является выдумкой, не существует и таких отношений, участники которых были бы всецело самодостаточны.

В последнее время в сети встречается все больше тестов, предлагающих проверить, находится ли опрашиваемый в доминантных отношениях. Наиболее продвинутые из них, следуя современным эмансипативным тенденциям, рекомендуют покинуть отно-

шения в случае, если результат текста утвердительный. Загвоздка здесь в том, что многие вопросы из таких тестов могут также считаться проверкой, находитесь ли вы вообще в отношениях. Больше того, не только близкие отношения, но даже любой плодотворный диалог может считаться доминантными отношениями, ведь каждый из его участников обособляет свою позицию, пытаясь таким образом «навязать» ее собеседнику. Если собеседник открыт для диалога, он может прислушаться к аргументам другого и изменить свою позицию, став таким образом жертвой «доминирования».

Для описания дружбы упомянутых мальчиков также подойдет термин «доминантные отношения». Причем каждый из друзей может быть рассмотрен как тот, кто доминирует. Мальчик с генетическими отклонениями, будучи несамостоятельным, нуждается в поддержке друга и не может ответить ему тем же — дружить с таким ребенком неизбежно значит быть им использованным. Тогда как его лучший друг вынужден относиться к нему как менее самостоятельному, чем он сам, и, соответственно, опекаемому им.

С предписанием избегать доминантных отношений связано и другой завет позитивной психологии — избегать любых травматичных ситуаций, в том числе отношений, которые предполагают травматизацию. Но возможны ли близкие отношения, участники которых не травмируют друг друга?

В своем эссе “Эмма” Лиотар разрабатывает неординарный философский образ ребенка.

Он интерпретирует детство как изначальную восприимчивость и предрасположенность к претерпеванию и травмированности. Детство, по Лиотару, не заканчивается никогда, оно сохраняется в зрелом возрасте как уязвимость. Таким образом, детство является конститутивной частью взрослой жизни, проявляясь в тех ситуациях, когда человек чувствует себя беззащитным и открытым для травматизации.

Внутренний ребенок в философии Лиотара радикально отличается от концепции внутреннего ребенка, предлагаемого позитивной психологией. Последняя призывает взрослого исцелять своего внутреннего ребенка, в то время как внутренний ребенок у Лиотара сущностно неисцелим, больше того, он символизирует нечто противоположное любому исцелению и терапии; он — сама травматичность, наличие

которой является условием любых близких отношений. По словам Лиотара, любовь возможна только тогда, когда взрослые прибегают к изначальному претерпеванию, иными словами, «любовь существует лишь постольку, поскольку взрослые принимают себя как детей». Близость проявляется как беззащитность перед другим и, соответственно, открытость для травматизации.

Не только опыт близких отношений с необходимостью является травматичным, таким свойством обладает и процесс приобретения любого другого важного жизненного опыта. По мнению Фрейда, в процессе развития травматизация неизбежна. Проводя параллель между физической травмой и психической, он утверждал, что «психическая травма или воспоминание о ней действует подобно чужеродному телу, которое после проникновения вовнутрь еще долго остается действующим фактором». Таким образом, травма — это результат наличия чужеродного тела, которое не может быть аккумулировано организмом. В случае с психологической травмой аналогом чужеродного тела является новый опыт, ведь он по определению отличен от старого, то есть уже на-

личного у индивида опыта, и поэтому является по отношению к нему чужеродным, а значит, не может безболезненно слиться с ним в единое целое.

Удивительно, что о травматичном опыте, как правило, вспоминают с сожалением, как о том, чего можно было бы избежать. При этом упускают из виду, что если, начиная с раннего детства, человек не был бы регулярно травмирован новой средой, он бы даже не научился ходить.

Не знаю, кому выгоден и почему так распространён миф о возможности самодостаточной, независимой и нетравмированной личности. Я ещё не встретила человека, который был бы всецело самодостаточным, не нуждался бы в поддержке, не был бы травмирован самыми близкими ему людьми и не находился бы в доминантных отношениях.

Нет, даже не надейтесь, я за равенство, но за равенство людей, понимаемых как месиво отклонений, странностей, травмированности, несамостоятельности и ущербности, а не за равенство самодостаточных нетравмированных друг другом личностей. Просто потому, что последнее — глупый и поэтому опасный миф.

О лузерах

30 июля 2016

Какой же я лузер!

Никита Елизаров

В одном из своих сборников историй из врачебной практики Оливер Сакс описывает случай с близнецами. Когда он столкнулся с ними, они уже были предметом детальных научных и популярных докладов, а также частыми гостями на радио и телевидении. Им давали самые разные диагнозы — от аутизма до психоза, но никто не ставил под сомнение их математическую гениальность.

Талант, который сделал их знаменитыми — умение моментально вычислять, на какой день недели попадет дата из далекого прошлого или будущего. Стандартная программа их выступления на телевидении — близнецы просят назвать им любую дату в пределах сорока тысяч лет и незамедлительно отвечают, на какой день недели будет приходится на-

званное число. Талант близнецов скорее вызывал любопытство, чем восхищение, публичный интерес к ним был обусловлен резким контрастом производимого ими впечатления общей недоразвитости и наличием у них выдающихся математических способностей.

Сочетание таких способностей с расстройствами аутистического спектра достаточно распространено. В соответствии с расхожим предубеждением, уникальные способности аутистичных детей являются счастливой случайностью и не зависят напрямую от их патологии. В действительности же вернее утверждать, что их болезнь является изнанкой выдающихся способностей.

Рассуждая о близнецах, Сакс ссылается на невролога Изабель Рапен, которая работала с аутистичными детьми, обладающими исключительными внеречевыми способностями (к примеру, складывать головоломки, разбирать механические игрушки и расшифровывать тексты). В соответствии с ее заключениями, их умения связаны с “последствиями чрезмерной концентрации их внимания и познавательной активности на внеречевых пространственно-зрительных задачах в ущерб овладению устной речью”. Резюмируя, Рапен выдвигает гипотезу, что внеречевые способности у аутистичных детей разви-

ваются в результате действия компенсаторных механизмов — их отклонения не позволяют им освоить устную речь, то есть овладеть навыком, без особых трудностей приобретаемым детьми без аутистических расстройств, и взамен этого они совершенствуют внеречевые навыки.

Трудности с развитием устной речи у аутистов — это лишь проявление более общей патологии. А именно, специфика детей с нарушениями аутистического спектра такова, что они обладают выраженным и всесторонним дефицитом социального взаимодействия.

Среди прочих, Метью Либерман, один из основателей социальной когнитивной нейронауки, настаивает на том, что именно социальные нужды являются базовыми потребностями человека, даже более важными, чем потребность в еде. По его словам, социальный режим — это базовый режим мозга человека, он предшествует любому сознательному интересу к миру.

Выходит, что аутичные дети испытывают трудности именно с этой самой глубокой человеческой потребностью. Так как потребность в социализации закреплена как первичная в природе человека, они все же реализуют ее, но более доступным для них обходным путем.

Наблюдая за близнецами, Оливер Сакс указывает на их особенное отношение к числам. Вызывая благоговение и трепет, они были для них словно близкими друзьями. Такое часто встречается среди числовых гениев. Вспоминая о своем детстве, Джордж Паркер Биддер говорит: “Я близко знал все числа до ста; они как бы стали моими друзьями, мне были знакомы их родственные связи и круг общения”. Схожим образом высказывается Шиам Марат: “Когда я называю число своим другом, то хочу сказать, что мы уже много раз по разным поводам сталкивались в прошлом, и во время таких встреч я обнаруживал все новые скрытые в нем восхитительные свойства... Так что если при вычислениях мне попадается знакомое число, я радуюсь встрече с добрым приятелем”.

Как и в случае с другими людьми, у аутистов потребность в социализации является основной движущей силой их активности — она не только предшествует их интересу к миру, но и является ее основой. Разница лишь в том, что аутисты не могут удовлетворить эту базовую потребность обычным путем и поэтому вынуждены реализовывать ее альтернативно, перенося комплекс эмоций, изначально связанный с социальной средой, на внесоциальную сферу (в случае с близнецами, заводя дружбу с цифрами).

Что примечательно, если пытаться вылечить аутичных детей, работая над развитием у них нормальной формы социальных навыков, их уникальные способности могут исчезнуть. Так, в вышеуказанном сборнике историй из врачебной практики Сакс описывает случай с аутичной девочкой, обладавшей выдающимися способностями к рисованию. В результате усиленной терапии она начала говорить (все же сильно отставая в речевом развитии), но перестала рисовать. Сакс критически относится к таким нормализующим видам терапии, утверждая, что они имеют довольно сомнительный результат — попытки сделать аутичного ребенка более похожим на остальных детей лишают его гениальности, оставляя взамен лишь общую недоразвитость.

Последствия нормализации аутичной девочки демонстрируют, что выдающиеся способности аутистов являются результатом работы компенсаторных механизмов, в частности, компенсирующих неспособность к нормальной форме социализации. Если устранить эту неспособность, может исчезнуть и то, развитие чего было ею спровоцировано, ведь если нет дефицита социального взаимодействия, то отсутствует и потребность в его компенсации.

Хотя будет преувеличением утверждать, что все гении — аутисты, существуют исследования, просле-

живающие непосредственную связь между гениальностью и расстройствами аутистического спектра. Американские ученые-психологи Джоан Рутзатц и Джордан Эрбак изучили группу из восьми вундеркиндов — детей, которые в возрасте до десяти лет продемонстрировали выдающиеся способности в искусстве, музыке или математике. У троих из восьми детей был установлен диагноз расстройство аутистического спектра. Вся группа в целом имела более высокие показатели по тестам на симптомы аутизма, чем контрольная группа детей. Более того, у половины из вундеркиндов, участвующих в исследовании, были члены семьи с диагнозом аутизм. Эти факты поразительны, так как в среднем аутизм встречается лишь у одного из 120 человек. В соответствии с выводом исследователей “вундеркинды могут иметь некоторую умеренную форму аутизма, которая фактически и наделяет их талантом”.

Дополнительным доказательством этого вывода служит тот факт, что свидетельства наличия расстройств аутистического спектра можно обнаружить в биографии многих выдающихся личностей. Так, известно, что Эйнштейн испытывал затруднения в социальных взаимодействиях. Из-за этого, несмотря на его гениальный ум, он не мог устроиться на работу. Его семейная жизнь была полна сложностей, но

все же его жена родила троих детей. Хотя Эйнштейн проявлял любовь и заботу о своих детях, он при этом не выносил, если они прикасались к нему.

Ньютон не производил впечатления дружелюбного человека. Он не просто не умел сохранять дружбу, но и вовсе не понимал, как следует вести себя с друзьями. Он был неразговорчивым, ему с большим трудом давались светские беседы. Рабочий день Ньютона был тщательно распланирован, ничто не могло отвлечь его от следования рутине. К примеру, если он запланировал прочтение лекции, она должна была состояться несмотря на то, присутствовали ли на ней слушатели. Ньютон был чрезвычайно сосредоточен на своей работе, людей он рассматривал в первую очередь как потенциальную опасность быть отвлеченным от нее.

Проанализировав биографические сведения о Чарльзе Дарвине, профессор Майкл Фитцджеральд предположил, что Дарвин был аутистом. В детстве он предпочитал уединение, а повзрослев, старался избегать взаимодействия с людьми настолько, насколько это было возможно. По этой причине он предпочитал письменную переписку личному общению.

Другим примером является Витгенштейн. В социальных взаимодействиях Витгенштейн проявлял крайний эгоизм, будучи неспособным к сочувствию и

заботе о других. Он предпочитал находиться в изоляции, но имел склонность завязывать близкие отношения с небольшим кругом людей, как правило, состоящим не более чем из двух приближенных. Фицджеральд предположил, что теория Витгенштейна, изложенная в “Логико-философском трактате”, была частично обусловлена его высокофункциональной формой аутизма. По утверждению Фицджеральда, “Логико-философский трактат” отражает особенности становления личности, специфические для высокофункциональной формы аутизма.

Из исследования Рутзатц и Эрбак не следует, что все аутичные дети обладают выдающимися способностями, но оно позволяет предположить, что некоторые особенности из развития (точнее, отклонения), в частности, неспособность к нормальной форме социального взаимодействия, являются благоприятными условиями для развития выдающихся способностей. Социальная изоляция может быть обусловлена не только патофизиологическими особенностями человека, она также бывает результатом неприятия со стороны социальной среды или сознательного выбора человека.

Исследования Рутзатц и Эрбак также не опровергают популярную в последнее время теорию о том, что гениальность обусловлена не физиологическими особенностями, а практикой. Так, Малкольм Гладуэлл популяризирует идею, что уровень способностей прямо пропорционально зависит от времени, посвященного их совершенствованию — для развития высокой степени мастерства требуется 10 лет сосредоточенной практики. При этом Гладуэлл предпочитает не акцентировать внимание на том факте, что сосредоточенность человека на определенном занятии на протяжении такого длительного периода негативно сказывается на процессе его социализации. Причем здесь также наблюдается прямая пропорция — чем больше человек сосредотачивается на определенном занятии, тем меньше времени у него остается на социализацию. Иными словами, гениальность неизбежно предполагает дефицит социального взаимодействия.

Соответственно, гении либо имеют физиологическую предрасположенность к отстранению от социума и сосредоточению на внесоциальной реальности, как в случае с аутистами, либо наследуют паттерн поведения, который естественным образом свойственен аутистам. К тому же, сама способность человека посвятить большую часть своего времени опреде-

ленному занятию в ущерб реализации первичных социальных потребностей свидетельствует о том, что его психика подверглась тем же изменениям, которые Изабель Рапен определила как результат работы компенсаторных механизмов — такой человек перенес изначально социальный сентимент на внесоциальную сферу, возвращаясь к примеру с близнецами, предпочел цифры людям.

Таким образом, теория компенсаторных механизмов объясняет не только формирование выдающихся способностей у аутистов, но также и у людей, не обладающих схожей психопатологией, правда, в случае с последними компенсаторные механизмы работают в обратном порядке. Для того, чтобы человек без психопатологических отклонений мог развить выдающиеся способности, должен появиться прецедент для компенсации, например, он должен быть отвергнут социальной средой или сознательно отстраниться от нее.

Часто гениальность понимают как сверхспособность, предполагается, что в своем общем развитии будущий гений не просто достигает уровня других, но и превосходит их. В свете же гипотезы компенса-

торных механизмов гениальность представляется скорее отклонением в общем развитии, ведь важным условием появления гениальных способностей является ущемление в первичных социальных потребностях человека.

Расширенная таким образом концепция компенсаторных механизмов неплохо подходит для описания знакомого каждому с детства образа ботана. Он не разделяет нормальных, признанных в среде его сверстников интересов, поэтому плохо вписывается в эту среду. В случае с ботаном всегда сложно понять, то ли у него трудности с социализацией, потому что его интересы чужды другим, то ли его специфические интересы обусловлены неприятием его социумом.

Еще одно распространенное заблуждение относительно гениальности заключается в предположении, что она неизбежно влечет за собой общественное признание. В действительности лишь незначительная доля гениальных людей распознается обществом в качестве таковых. Зато общество без труда распознает другую отличительную особенность гения, а именно — его проблему с социализацией. В глазах общества, и не редко в своих собственных, такой человек, в первую очередь, лузер.

Его жизненные приоритеты распределены таким образом, что он обладает лишь минимальными шансами соответствовать общепризнанному образу успешного человека. Признаки успеха в представлении общества — это счастливая семейная жизнь, престижная высокооплачиваемая работа, большое количество друзей и возможность праздного досуга. Превосхождение в любви к цифрам скорее будет распознано обществом как проявление ущербности. Нередко поставленный обществом диагноз влечет за собой попытки оказать помощь — сделать человека преуспевающим в более социально приемлемой форме. Особенно часто такие гуманные призывы случаются у близкого окружения гения, нередко сопровождаясь усилиями обслуживающих его интересы терапевтов.

Влюбляясь в стройные математические теории и заводя дружбу с философскими системами, непризнанные гении более чем успешны и по-своему счастливы в своем малопонятном для остальных мире. Они вряд ли нуждаются в сожалении и попытках сделать их социально успешными. Скорее, сожаления заслуживает общество, которое предпринимает такие попытки. Гениям и без вас хорошо, по крайней мере, лучше, чем с вами.

Использованная литература:

Sacks, O. The Man Who Mistook his Wife for a Hat, 1985.

Ruthsatz, J., Urbach, J.B. Child prodigy: A novel cognitive profile places elevated general intelligence, exceptional working memory and attention to detail at the root of prodigiousness. *Intelligence*, 40 (5), 2012.

Fitzgerald, M. Autism and Creativity: Is there a Link between Autism in Men and Exceptional Ability? Hove, East Sussex: Brunner-Routledge. 2005.

Monk, R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius, Vintage, London, 1991.

Gladwell M. Outliers: the story of success. New York, NY: Little Brown and Company; 2008.

Happé F, Frith U. The beautiful otherness of the autistic mind. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences*, 2009.

Baron-Cohen, S., Wheelwright, S., Griffin, R., Lawson, J., Hill, J. The exact mind: Empathising and systemising in autism spectrum conditions. In U. Goswami (Ed.), *Handbook of cognitive development*: Blackwells, 2002.

Крокодил с приветом

27 августа 2016

Уже давно вымер, или мне хочется на это надеяться, тот вид динозавров, что размышляли о человеке в категориях души и тела. При этом в наши дни довольно комфортно себя чувствует, нося модный хипстерский прикид, организовывая кружки артхаусного искусства и иногда даже увлекаясь программированием, другой, преемственный вид динозавров, представители которого противопоставляют разум и чувства.

С самого зарождения западной философской мысли мир стал рассматриваться ею сквозь призму деления на телесное и духовное, низменное и возвышенное, греховное и священное. Смыслом существования мира традиционно считалось движение вверх — от низкого к высокому. Представления о человеке были частью этого мировоззрения. С умным видом древний философ констатировал, что человек состоит из двух противоположностей — низменного

тела и возвышенной души. Здесь следует отметить, что с таким же умным видом древний философ провозгласил истинную природу менструальных выделений. По его мнению, кожа женщины более мягкая, чем мужская, и поэтому впитывает больше влаги, от излишков которой женщина и избавляется во время менструации.

В соответствии с общими представлениями о двойственной природе человека античное, христианское мировоззрение и более поздняя западная философия относились к чувствам с пренебрежением, считая их результатом деятельности тела. Они противопоставлялись разуму, который определялся как возвышенная активность души.

Наука XX столетия оставила только тело, осознав, что любая деятельность человека, от инстинктивных влечений до наиболее искренних гуманных порывов и занятий абстрактными науками, одинаково телесна и опосредована соответствующими мозговыми процессами.

Сведя человека к телу и перенеся разум и чувства в мозг (примерно на этом этапе в моем радужном воображении вымирает дохипстерский вид динозавров), наука всё же унаследовала старое разграничение на низменное и возвышенное. Чувства всё также

воспринимались как примитивное и поэтому противоположное разуму явление.

Так, для современной нейробиологии всё ещё является краеугольной теория Пола Маклина, согласно которой мозг человека состоит из трёх слоев, каждый из которых соответствует определённому этапу эволюции. По его предположению, наиболее древняя часть мозга отвечает за рефлексy и базовые инстинкты, более поздний слой ответственен за эмоции и чувства, и самый эволюционно новый — за мышление. В соответствии с этой теорией, крокодил, у которого есть только аналог наиболее древнего слоя мозга — это противоположность всего из себя такого умного человека.

Постепенно выяснилось, что теория Маклина — значительное упрощение. По этой причине, несмотря на то, что она может быть полезной для начального ознакомления с принципами работы мозга, слишком многое теория Маклина скорее мешает понять. В частности, изображая мозг как борьбу противоположностей, теория Маклина не схватывает присущую ему целостность и взаимосвязанность его функций. Мозговые процессы, лежащие в основании инстинктов, чувств и мышления, наиболее адекватно схватываются, если рассматриваются как часть сложного неделимого на отдельные части целого.

Теория Маклина также неадекватно рассматривает процесс эволюции человеческого мозга — она представлена Маклином как линейное движение: подавляя инстинкты и чувства, развивающийся разум привел к появлению человека — несомненного венца эволюции. В соответствии с такой перспективой, дальнейшее развитие человека представляется переходом от человека к сверхчеловеку, существу, обладающему только разумом и лишенному противостоящего тому зла — инстинктов и чувств.

Правда, если бы эволюция была линейным процессом, человек бы вообще не появился. Землю населяли бы сверхкрокодилы, у которых, по сравнению с предыдущей версией крокодилов, были более развиты необходимые для выживания рептилий способности — они бы откладывали ещё больше яиц, ещё агрессивнее охотились и ещё более интенсивно и менее эстетично спаривались. У человека же, по сравнению с древними рептилиями, в процессе эволюции появились странности — он стал менее агрессивным, простой акт спаривания превратил в неизбежный мелодраматический ад, а защиту интересов чайлдфри-сообщества провозгласил неотъемлемой частью своего светлого будущего.

Эволюционный процесс вообще радикально отличен от традиционных представлений. Последние

предполагают творца, который, задавшись соответствующей целью, создал мир и человека из ничего; ход мироздания задаётся борьбой противоположностей с заранее известным хэппи-эндом — победой духовного над телесным или добра над злом. У эволюции же нет конечной цели, тем более такой сомнительной, как создание человека. Процессу эволюции также чужда борьба противоположностей; новые свойства и способности организмов не возникают из ничего и не противопоставляются уже существующим способностям. Скорее, они представляют из себя усовершенствованную версию уже существующим способностей. Так, биолог-эволюционист Стивен Гулд утверждает, что эволюционный механизм — это череда причудливых функциональных сдвигов. Уже существующие способности переориентируются, чтобы служить для выполнения других функций.

Противопоставление разума и чувств, закрепившееся в традиционном сознании, не соответствует реальности. Инстинкты и чувства — не противоположность разума, а его эволюционно более ранняя форма — ещё до функционального сдвига. Предшествующий человеку вид обходился исключительно инстинктами и чувствами, этой формы разума ему вполне хватало не только, чтобы выжить, но и впоследствии эволюционировать в человека. Мозг дей-

ствительно стал более сложно организованным, он не стал лучше (категория «лучше» предполагает цель), он скорее стал более причудливым. Разум не возник как полярная по отношению к чувствам и инстинктам способность. Инстинкты, всё ещё существующие и без которых мы не смогли бы выжить, стали сложнее за счёт их осознания. Так появилась способность испытывать чувства, позднее чувства стали более причудливыми и появилось то, что мы называем разумом. Инстинкты, разум и чувства не действуют по отдельности, ведь каждая более причудливая форма чего-то не уничтожает предыдущую, а работает на её основании. Также это значит, что нельзя подавить чувства, оставив только разум — разум это и есть более сложная форма чувств.

Человек, таким образом, это не противоположность крокодилу и, за редкими исключениями, не сверхкрокодил. Он скорее всё ещё крокодил, но с большим приветом.

О бездуховных романтиках

29 октября 2016

Романтическая перспектива идеалистична, это значит, что ее носителям известен идеал, которому должно соответствовать человечество. Прообраз такого идеального состояния они находят в воображаемом прошлом, испытывая ностальгию по определенному вымышленному времени: то ли по живущему в гармонии с природой первобытному человеку, то ли по райском саду с уверенно зарождающейся из ребра женщиной, то ли по традиционно-православной России с докторской колбасой по 2 рубля 20 копеек.

Это вымышленное прошлое идеалисты хотят сделать будущим. Неопределенность будущего и отсутствие ответа на вопрос, каким оно должно быть, их пугает, заставляя скрываться в определенности своих однозначных фантазий.

Фантазии романтиков и их самоуверенность безобидны только до того момента, пока их идеал не

станут подвергать сомнению — идеалистам намного проще обезвредить сомневающегося, принеся его в жертву своему идеалу, чем погрузиться в пугающую бездну неопределенности.

С религиозными фанатиками все более или менее понятно: терроризм, священные войны и другие проявления безусловной уверенности в своем идеале. Но с теми, кто пропагандирует, казалось бы, противоположные духовному возвышению тенденции, ситуация такая же. Я имею в виду приверженцев идеи возвращения к первобытным этапам эволюции человека.

Такие идеалисты провозглашают необходимость оставить лишь плоть с шерстью, покончив со всем привнесенным эволюцией и культурой. В их воображении идеальное состояние, которое было утрачено человеком — это гармония с природой, отсутствие агрессии, бесконечная копуляция, экологически чистые продукты, взаимное вычесывание блох, игры на лужайке и отсутствие проклятой философии.

Таким бездуховным романтикам было бы интересно узнать, что шимпанзе, современный вид, поведение представителей которого наиболее близко к поведению вида, предшествовавшего человеку, несмотря на способность сопереживания представителям своей группировки при нападении на другую

группировку нередко прибегают к каннибализму: убитый ребенок из вражеской группировки может быть хладнокровно разорван на куски и съеден. Шимпанзе ценят белковую пищу, и непохоже, чтобы во время поедания детей они испытывали иные эмоции, кроме удовольствия от вкусной еды⁴³. Это значит, что шимпанзе умеют обезличивать представителей своего вида, которые не принадлежат к их группе. По словам исследовательницы диких шимпанзе Джейн Гудолл, «К жертвам нападения относятся скорее как к добыче, на которую шимпанзе охотятся; особей из других социальных групп уже не рассматривают как шимпанзе»⁴⁴.

Лучше непредсказуемые последствия искусственного клонирования и угроза захвата вселенной роботами, чем мохнатое создание, радостно поедающее вражеского младенца: не потому, что мне жаль последнего, а по той причине, что этот сценарий уже пройден человечеством и возможность такого будущего не настолько увлекательна и интересна, как будущего, в котором отсутствует определенность.

⁴³ Марков А. Эволюция человека, Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа.

⁴⁴ Гудолл Д. Шимпанзе в природе: поведение.